

Солянка

Нефритовый цветок
и
Стальной Клинок

Солянка .

**Нефритовый цветок
и стальной клинок**

«Автор»

2026

. С.

Нефритовый цветок и стальной клинок / С. . — «Автор», 2026

Мою семью перебили. Чтобы отомстить за них, я заключила сделку с демоном, но погибла сама, и небеса зачем-то вернули меня в прошлое. Теперь я в теле слабой и больной аристократки, рядом человек, который раньше планировал меня уничтожить и слишком внимательный к тому, что я тщательно скрываю. Мы не союзники. Мы не друзья. И уж точно не те, кто может доверять друг другу. Но когда за тобой охотятся, иногда единственный шанс выжить — идти рядом с тем, кто однажды может тебя убить.

© . С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Син Юэ	5
Глава 1. Син Юэ/ Сяо Фэн	8
Глава 2. Син Юэ/ Сяо Фэн	18
Глава 3. Син Юэ/ Сяо Фэн	28
Глава 4. Син Юэ/ Сяо Фэн	37
Глава 5. Син Юэ/ Сяо Фэн	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Солянка .

Нефритовый цветок и стальной клинок

Пролог. Син Юэ

Красный цвет застилал глаза.

Я смотрела на императора Ван Чэньюя, который сидел напротив, и в груди разливалось тепло, похожее на лихорадочный жар. Он улыбался мне — устало, но с нежностью. В его взгляде читалось что-то отеческое, почти трогательное. Должно быть, он видел во мне юную деву, которой посчастливилось скрасить его закатные годы.

Если бы он только знал, что эта "юная дева" уже считает удары его сердца.

— Цзинь Юэ, — произнес он мое имя, и в его голосе зазвенела ласка. — Ты так бледна. Не бойся, все уже позади.

Я опустила ресницы, скрывая блеск в глазах. Позади? Нет, мой император, все только начинается.

Пока шла подготовка, я вспоминала. Моя память придавала мне сил. Без нее я бы не проделала этот путь.

Перед глазами ясно стояли образы отца и брата. Они были залиты кровью, лица замерли в предсмертном крике. Сейчас на моих руках крови не было, но она въелась в каждую пору так глубоко, что никакой ароматный чай не мог перебить тот запах.

Евнух Гао склонился в поклоне и затянул привычную церемониальную фразу о небесном союзе, о слиянии двух душ. Я слушала его голос, а сама думала о том, как долго шла к этому мгновению.

Я улыбалась, когда хотелось выть, я гнула спину перед теми, кто был ниже самой последней служанки в нашем собственном поместье. Меня били, щипали, обливали помоями, заставляли чистить отхожие места. Мои руки, некогда игравшие на цине, огрубели от щелока и воды. Мое лицо, которое Чжан Чэн когда-то называл "нефритовым цветком", теперь принадлежало демону.

Но оно того стоило.

Я видела, как евнух Гао подал знак, и служанки поднесли мне и императору чарки с вином. Еще один глоток, и обряд будет завершен. А потом, когда император останется со мной наедине, я воткну эту шпильку ему в горло. Она тонкая, острая, смочена ядом степного мака. Достаточно одного движения.

Я уже чувствовала холод металла в рукаве, я звенела от напряжения.

— Склонитесь друг перед другом, — произнес Гао, и его голос эхом разнесся по залу, заставленному алыми свечами.

Я поднялась, и мое алое платье тяжелым шелком упало к ногам. Император тоже встал, опираясь на трость. Он сухо и надрывно кашлянул. Знал, подлый лис, что ему недолго осталось, а все равно очаровался молодостью.

Будь у него больше времени, я выбрала бы другой план, действовала бы иначе, но я не могла ждать. Я должна была увидеть, как свет в его глазах погаснет именно от моей руки.

Мы сделали шаг навстречу друг другу.

Внезапно за дверями послышалась возня. Император, нахмурившись, обернулся. И в этот миг двери с грохотом распахнулись.

— Отец! Не делай этого!

Голос наследного принца Ван Цзэня ворвался в зал, как порыв ледяного ветра. Я замерла, вцепившись пальцами в складки платья. Принц меня терпеть не мог, понятно, что свадьбе и новой наложнице он не обрадовался. Но раз он пришел и прервал обряд, явно что-то произошло.

И это что-то очень плохо для меня.

Он вбежал первым, растрепанный, запыхавшийся, даже меч в ножны не убрал. За ним следовали двое: Чжан Чэн и Гуань Фэн.

Мое сердце пропустило удар. Чжан Чэн? Он-то что здесь делает?

Чжан Чэн странно на меня смотрел, с отчаянием, словно знал, кто я такая.

Как он мог узнать? Мо Юань изменил мои черты, стер их почти до неузнаваемости. Но что-то в его лице дрогнуло.

— Как ты смеешь! — император выпрямился, и, очевидно, разозлился. — Врываться в покои государя во время обряда? Ты забыл все приличия, Цзэнь?

Наследный принц упал на колени, но меча не выпустил.

— Отец, умоляю, остановите свадьбу! Эта женщина не та, за кого себя выдает! — он перевел дыхание и выпалил: — Перед вами не Цзинь Юэ. Это Син Юэ, дочь казненного генерала Сина. Она пришла мстить.

Все сразу замолчали, а рядом дрогнули свечи из-за чужого дыхания.

Догадались, значит...

Император медленно повернул голову в мою сторону. В его глазах мелькнуло недоверие, затем он прищурился, будто старался внимательнее рассмотреть черты моего лица.

— Син Юэ? — переспросил он тихо. — Та, что погибла при пожаре в родовом поместье? Ты не очень похожа.

Я молчала. Все внутри меня сжалось в тугой узел.

Чжан Чэн шагнул вперед, я встретила с его взглядом и ощутила его боль. Да, маску с меня сорвали, но я не отступлю.

— Прости, — выдохнула я одними губами, обращаясь к бывшему жениху, а после бросилась вперед.

Все произошло в одно мгновение. Вытащила шпильку из прически, взмахнула рукой и воткнула острие в шею императору. Острие вошло в плоть мягко, почти без сопротивления. Ван Чэньюй даже отшатнуться не успел.

Теплая кровь брызнула мне на пальцы, на алый шелк, на расшитые золотом рукава.

Он захрипел, схватился за горло и рухнул на пол.

— Отец! — закричал Ван Цзэнь.

В следующий миг он выхватил меч и кинулся ко мне. Я видела, как лезвие сверкнуло в блике свечей, поняла, что не успею уклониться, да и к смерти я давно готова, но меня кто-то толкнул.

Чжан Чэн оказался быстрее, прыгнул между нами и принял удар, предназначавшийся мне, на себя.

— Нет! — всхлипнула в панике я.

Я попыталась поползти, беспомощно наблюдая, как он оседает на пол, зажимая рану. Он приподнял подбородок, ухмыльнулся, а потом с нежностью, все с той же любовью, которую я никогда не заслуживала, произнес:

— Беги...

Но я уже не могла бежать, он сомкнул веки, когда я застыла, не в силах пошевелиться.

Холод стального лезвия вошел между лопаток, разрывая плоть. Я не видела, кто нанес удар. Только услышала чей-то сдавленный вздох.

Колени подогнулись, и я упала рядом с Чжан Чэном. В глазах темнело, но я все еще чувствовала тепло его руки, коснувшейся моей щеки.

"Я не успела, — думала я, проваливаясь в темноту. — Не успела убить наследного принца..."

Глава 1. Син Юэ/ Сяо Фэн

Меня словно поддых ударили. Я резко дернулась, вздохнула, а потом меня пронзила головная боль.

"Что со мной происходит"?

В отличие от ощущений, само сознание возвращалось медленно, будто я выплывала из глубокого омута. Я помнила, что я Син Юэ, что несколько лет назад из-за заговора против моей семьи, убили моих родных. Что я вошла в Запретный город служанкой и попыталась отомстить. Месть вышла неполной, до одного человека я все же не добралась.

Но где я теперь?

Надо мной нависал полог из расшитой золотыми нитями парчи. Тяжелая ткань мерцала в утреннем свете, и я на мгновение зажмурилась. Как-то слишком ярко, слишком богато для царства тьмы. Я думала, после смерти меня встретят демоны с факелами или, на худой конец, ледяная пустота. Но не это же.

Я приподнялась на локтях и осмотрелась.

Комната оказалась просторной, обставленной со вкусом, но без дворцовой вычурности. Ширмы с изображением диких слив, низкий столик из красного дерева, на нем стояла нефритовая чаша с дымящимся чаем. Кто-то явно ждал моего пробуждения.

Я опустила взгляд на свои руки, которые моими руками и не были. Мои пальцы, некогда тонкие и нежные, успели погрубеть, когда я работала служанкой. Кожа потрескалась, ногти слоились. А эти были белыми, холеными. На запястье поблескивал тонкий серебряный браслет — недешевая вещица.

Откинув тяжелое шелковое одеяло, я поднялась. Правда, опустилась я также быстро, потому что к моим неприятным ощущениям в висках добавилось головокружение.

Где я? Что со мной?

Взгляд заметался по комнате и остановился на бронзовом зеркале в углу. Теперь я вскочила, наплевав на все, чтобы посмотреть, как выгляжу. Из зеркала на меня смотрела чужая девушка. Этому я уже не удивилась.

Лицо было моложе моего, лет семнадцати-восемнадцати, с мягкими, еще не заострившимися чертами. Большие глаза, сейчас расширенные от ужаса, пухлые губы, гладкая кожа без единой морщинки. Тонкие брови немного приподняты, отчего лицо казалось удивленным и наивным.

Я поднесла руку к щеке. Девушка в зеркале сделала то же самое.

— Это я? — прошептала я.

В вихре мыслей пронеслось: Мо Юань обманул меня? Вместо царства тьмы подсунул какую-то иллюзию? Но зачем? Или это наказание? Тогда в чем оно заключается?

Дверь распахнулась, и в комнату вбежала служанка. Она была совсем юной, даже младше меня.

Увидев меня, стоящей перед зеркалом, она всплеснула руками и закачала головой.

— Барышня! Барышня, вы встали! — она схватила меня за руку, и я едва подавила желание отдернуть ее. — Как вы себя чувствуете? Лекарь сказал, что кризис миновал, но велел соблюдать постельный режим! А вы опять ходите. Меня же за такое упущение ваш батюшка накажет.

Я смотрела на нее, лихорадочно соображая. Ясно, что она личная горничная. Может, она сможет прояснить ситуацию?

— Где я? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло, незнакомо. — Кто я?

Девушка скривилась. Ее лицо вытянулось, а глаза наполнились слезами.

— Госпожа... — выдохнула она. — Госпожа, не пугайте меня так. Вы что, опять ничего не помните?

Она подвела меня к кровати, заставила сесть и укутала одеялом, причитая надо мной, словно над малым ребенком. Я не сопротивлялась, слишком много вопросов роилось в голове.

— Вы — госпожа Сяо Фэн, — приговаривала служанка, промокая глаза платком, — ну как же так? Лекарь говорил, что приступы слабоумия могут возвращаться, но чтобы так скоро... Вы хоть меня узнаете? Я Чуньтао, ваша личная служанка. Мы с вами с ваших десяти лет вместе.

Сяо Фэн. Это имя обрушилось на меня, как ушат ледяной воды.

Мо Юань меня не просто наказал, он меня заклеймил.

Я помнила Сяо Фэн. Это была дочка одного из великих генералов нашей империи. Девушка, над которой все смеялись, а она редко покидала свой дом. Я не знала, что у нее за болезнь, но все называли ее блаженной. Если она где-то и появлялась, то случайно, по недосмотру ее няnek и служанок. Она не разговаривала, бормотала несвязно. Полоумная.

И теперь я... в ее теле?

— А что со мной, Чуньтао, — я потеряла висок и прикрыла глаза от усталости.

— И это вы забыли, госпожа, — шмыгнула носом служанка. — Лекари говорят, что у вас проклятие в голове. Вот вы все и забываете, — она грустно на меня посмотрела. — Вы сейчас своего отца не расстраивайте, что ничего не помните. Он так волновался. Знает, что вам недолго осталось.

— Мне недолго осталось? — переспросила я.

Чуньтао, очевидно, обожала госпожу, но выражаться красиво и тактично не умела.

— Может две весны, но третью не переживете.

— Понятно, — заключила я, не обращая ни к кому, а мысля вслух. — Значит, два года. Чуньтао, — вновь воззрилась на девушку. — А какой сейчас месяц? Какой год?

Она посмотрела на меня с ужасом, смешанным с жалостью.

— Госпожа, сейчас второй месяц весны. Праздник фонарей. Год Огненной Обезьяны, пятнадцатый год правления императора Ван Чэньюя.

Я судорожно сжала одеяло. Праздник фонарей, тот самый день, когда я убила императора. Тот самый день, когда Чжан Чэн закрыл меня собой, а чей-то клинок вошел мне в спину.

Но... император Ван Чэньюй жив? В его правлении еще пятнадцатый год? Рановато для моей мести.

Я вскочила, снова позабыв о слабости. Раздвинула ставни и зажмурилась от яркого солнечного света.

Это же все меняет. Я в теле Сяо Фэн, в слабом, немощем теле полоумной, но в теле девушки, которая жила со мной в одном городе. И судя по дате, которую назвала служанка, моя родная семья, семья Син, еще вполне себе здравствует.

— Госпожа, вам нельзя к окну. — Чуньтао подбежала ко мне, пытаясь увести обратно. — Простынете же. Лекарь сказал...

— Оставь меня, — я отмахнулась от служанки. — Мне нужно подумать.

— Но госпожа...

— Я сказала, оставь.

Чуньтао посмотрела на меня с недоумением, но послушалась и вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Мысли лихорадочно заметались. Что я имею?

Я — Син Юэ, дочь казненного генерала, мстительница, неудачница, умершая от чужого клинка в спину. Теперь я в теле Сяо Фэн, "блаженной" дочери главы ведомства Сяо Жэньдэ. Мне осталось жить года два, если верить лекарям. Моя семья, настоящая семья, семья Син, еще жива. До заговора, который уничтожит их, остался год.

Я закрыла лицо руками, пытаюсь унять дрожь. У меня есть целый год, чтобы все изменить, чтобы спасти их, чтобы найти настоящих виновных, чтобы...

Резко отдернув руки, я оттянула ворот ночной рубашки, разыскивая метку.

Когда я продала душу демону Мо Юаню, он поставил на мне метку прямо под левой ключицей, темный узор, похожий на переплетенные корни. Я помнила, как жгло в тот момент, как кожа плавилась под его пальцами. Метка оставалась со мной до самой смерти.

Я провела пальцами по ключице, опустила взгляд ниже, ощупала плечи, грудь, спину. Метки не было.

Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку на стене. Мысли метались, как вспугнутые птицы, никак не желая выстраиваться в стройную линию.

Сжала ладони так, что ногти впились в ладони. Год — это не так мало, как кажется. За год можно многое успеть. Можно найти настоящих виновных, можно предупредить отца и брата, можно...

До меня дошло.

А ведь где-то там, в нашем родовом поместье, сейчас живет другая я. Син Юэ, которой еще нет восемнадцати, которая еще не потеряла семью, не продала душу демону, не превратилась в убийцу. Которая все еще верит в справедливость и мечтает выйти замуж за Чжан Чэна. Которая пока даже не подозревает, что ее ждет.

Эта мысль обожгла странной смесью боли и нежности. Я помнила себя в том возрасте. Я была такой наивной, прямолинейной, уверенной, что мир делится на черное и белое. Я помнила, как ссорилась с отцом и братом из-за пустяков, как втайне мечтала о Чжан Чэне. Та я еще не знала, что такое настоящая боль.

— Есть две Син Юэ, — забормотала я. — Как не запутаться?

Я никогда не слышала, чтобы душа разделялась. Мо Юань ничего не говорил о таком. Он просто забрал мою душу в уплату за силу, за возможность отомстить. Или думал, что забрал?

— Значит, Син Юэ там, снаружи, еще не продала душу, — проговорила я вслух, чтобы успокоить себя. — Метки нет, значит, демон не имеет надо мной власти... Пока...

Но что тогда со мной? Если моя душа здесь, в теле Сяо Фэн, то где душа настоящей Сяо Фэн? Она умерла? Или она все еще здесь, где-то внутри, запертая в собственном теле?

Вопросы лишь множились. Успокаивало то, что я точно не повторяла судьбу Сяо Фэн. Я не сумасшедшая, я могу размышлять и давать себе отчет. Хорошо бы поговорить с Мо Юанем, но я понятия не имела, как связаться с демоном.

Пока нужно было думать, как спасти семью.

Скрипнула дверь, и я вздрогнула, выныривая из воспоминаний.

Чуньтао просунула голову в щелку и, убедившись, что я не сплю, не валяюсь снова на постели, вошла целиком. В руках она несла стопку одежды.

— Госпожа, ваш батюшка о вас справлялся. Я сказала, что вы скоро подойдете.

Я моргнула, переваривая новую информацию.

Раз я попала в тело Сяо Фэн, мне придется с ним взаимодействовать, вести себя вежливо. Этот человек для меня чужой, но для настоящей Сяо Фэн — самый близкий. Буду уважать тело, где я обрела новое пристанище.

— А давно он ждет? — спросила я, пытаюсь принять сидячее положение. Головокружение почти прошло, осталась только легкая слабость.

— Как вернулся со службы. Я сказала, что вы пришли в себя, — Чуньтао начала расправлять одежду. — Он всю ночь у вашей постели просидел, пока лекарь не прогнал. Говорил, что, если с вами что-то случится, он себе не простит. А вы вон как, очнулись и сразу к зеркалу бегать.

В ее голосе звучал мягкий упрек, но глаза светились радостью. Она была искренне счастлива, что я пришла в себя.

— Помоги мне одеться, — сказала я, протягивая руку к одежде.

Чуньтао засуетилась, помогая мне подняться и накидывая на плечи нижнюю рубашку из тонкого шелка. Я позволила себя одевать, разглядывая тем временем комнату уже более внимательным взглядом.

На столике у окна стояла цинь — дорогая, явно не для украшения. Несколько свитков с каллиграфией, аккуратно свернутых. На полке расположились фарфоровые статуэтки, изображающие цветы и птиц. Все говорило о том, что в этом доме Сяо Фэн любили. Да и служанка очень заботливая, а ведь она всю жизнь с полоумной нянчится.

— Госпожа, — Чуньтао завязывала пояс на моем платье. — Вы сегодня другая.

— Другая? — запнулась я, испугавшись, что меня раскрыли.

— Ну... — служанка замялась, поправляя складки. — Обычно вы молчите после приступов. Или говорите что-то странное, невпопад. А сейчас вы говорите складно, и глаза у вас ясные, как у здорового человека.

Она сказала это с такой надеждой, что у меня кольнуло в груди.

— Может, лекарь ошибся, — мягко проговорила я, позволив ей застегнуть последнюю застежку. — Может, я еще поживу.

Чуньтао всхлипнула и быстро утерла глаза рукавом.

— Ой, госпожа, вы меня до слез доведете. Пойдемте скорее, батюшка заждался.

Она подхватила меня под руку и повела к двери. Я сделала шаг, другой, до сих пор не верилось, что я жива. Так отчетливо помнила удар в спину. Но нет, я определенно жива, дышу воздухом и ощущаю аромат от цветов и трав.

Поместье Сяо было красивым, не таким роскошным, как поместье Син, но уютным, домашнему теплым. .

— Ваш батюшка очень волновался, — щебетала Чуньтао, ведя меня по галерее. — Так измучился.

Я слушала и думала о своем отце. О том, как он смотрел на меня в последний раз, с любовью и гордостью, не зная, что видит меня в последний раз.

— Госпожа? — Чуньтао остановилась и обеспокоенно заглянула мне в лицо. — Вам плохо? Вы побледнели.

— Все хорошо, — я тряхнула головой, отгоняя видения. — Просто вспомнила кое-что.

Мы подошли к резным дверям, из-за которых доносился аромат свежесваренного чая и жареных лепешек. Чуньтао отпустила мою руку и поклонилась.

— Госпожа, я буду ждать снаружи. Если что-то понадобится, позовите.

Я глубоко вздохнула, поправила рукава и шагнула внутрь.

Мужчина за столом поднял голову, и я увидела его глаза. Одновременно знакомые, родные и совершенно чужие.

Сяо Жэньдэ, генерал войска Сяо, отец девушки, в чьем теле я теперь находилась, смотрел на меня с такой отчаянной надеждой, что у меня перехватило дыхание.

Он был немолод, лет пятидесяти, с проседью на висках и глубокими морщинами у глаз. Но в эту минуту он походил не на грозного военачальника, а на старого, уставшего человека, который всю ночь не смыкал глаз у постели больной дочери.

— Фэн-эр, — он вскочил так стремительно, что едва не опрокинул столик с чайными принадлежностями, — дитя мое.

Я сделала шаг вперед, и он в два прыжка оказался рядом, схватил меня за руки, вглядываясь в лицо с жадностью, словно боялся, что я сейчас растаю, как утренний туман.

— Как ты себя чувствуешь? — голос его дрожал. — Лекарь сказал, кризис миновал, но ты так бледна. Чуньтао донесла, что ты распоряжаться начала, командовала. Почему встала и ее не послушалась? Наверное, это мне нужно было прийти к тебе, я бы...

Он говорил сбивчиво, путаясь в словах. Слепому ясно, что он безумно любит свою дочь.

Мой отец любил меня, да. Он тоже был генералом, воином, человеком долга. Но его любовь чуть отличалась. Она была суровой и требовательной, он хотел, чтобы я стала лучше, сильнее, достойнее нашего рода. А этот человек... он просто боялся меня потерять.

Мне стало ужасно стыдно.

Я ведь даже не знаю, жива настоящая Сяо Фэн или мертва. Я собиралась использовать это тело, имя для спасения своей семьи, а он мечтал, чтобы его девочка жила.

— Мне лучше, — сказала я, и мой голос прозвучал мягче, чем я ожидала. — Гораздо лучше.

Он удивленно изогнул брови, всматриваясь в мое лицо...

— Говоришь очень складно, — выдохнул он. — Фэн-эр, ты понимаешь, что говоришь? Ты и меня понимаешь?

Я кивнула и позволила ему усадить себя за стол. Он сам налил мне чай и пододвинул тарелку с маленькими рисовыми лепешками.

— Поешь, — велел он. — Ты несколько дней ничего не ела, только отвар пила.

Я послушно отпила глоток. Чай оказался вкусным, ох, когда я была служанкой, я и не смела мечтать о таком чае.

Сяо Жэньдэ снова сел напротив, не сводя с меня глаз. Он словно боялся моргнуть, опасаясь, что видение исчезнет.

— Я так переживал, — заговорил он тихо. — Когда ты упала без сознания в саду, я думал, сердце остановится. Лекари сказали, что приступ мог быть последним. Что ты можешь не очнуться. Я всю ночь просидел у твоей постели, Фэн-эр. Всю ночь молился всем богам, каких только знал.

Он отвернулся, и я заметила, как дрогнули его плечи. Генерал, воин, а плачет.

— Планирую уйти со службы, — грустно прохрипел он, — распушу войско. Буду с тобой каждый день. Буду возить тебя к лучшим лекарям империи, к знахарям, к монахам в горах. Если надо, продам поместье, найму самых искусных целителей из далеких земель. Только не уходи, Фэн-эр. Только не покидай меня.

У меня сжалось горло. Разве можно оставаться беспристрастной?

— Отец, — вырвалось у меня, и это слово обожгло губы.

Сяо Жэньдэ вздрогнул и уставился на меня с надеждой.

— Отец, — повторила я уже тверже. — Не надо уходить со службы.

Он моргнул, явно не ожидая такого ответа.

— Но...

— Генерал без войска — не генерал, — проговорила я, вспоминая, как часто мой собственный отец повторял подобные слова. — Твои воины, такие же твои дети. Они тоже нуждаются в тебе.

Сяо Жэньдэ застыл. Лицо еще больше вытянулось.

— Фэн-эр... — выдохнул он. — Ты, правда, все понимаешь? Ты мне с твоих десяти лет почти не отвечаешь.

Я улыбнулась. Пусть, я не знаю, что с настоящей Сяо Фэн, но за отношение генерала, за эту минутку, которая погрузила меня в отеческую любовь, я готова отплатить сполна. Будет ли плохо, если я дам ему надежду?

— Сегодня, когда проснулась, я поняла, что многое изменилось, — смущенно произнесла я, пряча свой взгляд. — Голова ясная, мысли не путаются. Наверное, боги сжалялись надо мной. Решили дать мне несколько лет в нормальном сознании, чтобы я успела порадовать тебя, прежде чем уйду.

Сяо Жэньдэ побледнел, потом покраснел, потом снова побледнел. Его руки, лежавшие на столе, задрожали.

— Не смей так говорить. — выкрикнул он, и в голосе его звенела боль. — Ты не уйдешь. Я найду лекарей, я...

— Отец, — перебила я мягко, дотронувшись до его руки. — Прошу тебя, не надо звать других лекарей. Мне известно, что мне отмерили немного. Я принимаю это. Но если сейчас начать искать новых целителей, новые снадобья, новые ритуалы... Мы потратим эти драгоценные месяцы на беготню, на бесплотные надежды и горькие разочарования. А я хочу провести их иначе.

Я сжала его ладонь.

— Я хочу провести это время с тобой, — сказала я тихо. — Хочу радовать тебя. Хочу, чтобы ты гордился мной. Хочу, чтобы у тебя остались хорошие воспоминания, а не вечный страх.

Сяо Жэньдэ смотрел на меня, и по его щекам текли слезы. Он не вытирал их, словно не замечал.

— Фэн-эр... — прошептал он. — Мне не верится.

Он вдруг вскочил, обошел стол и прижал меня к себе. Я не двигалась, потому что не знала, как реагировать. Мой настоящий отец меня редко обнимал, что, конечно, его любви не умаляло, но поведение Сяо Жэньдэ легко объяснялось.

— Обещай мне, — прошептал он мне в волосы. — Обещай, что будешь беречь себя.

— Обещаю, — ответила я, и в этот момент это не было ложью.

Он отстранился, вытер слезы рукавом и попытался улыбнуться. Получилось криво, но искренне.

— Ты завтракай, — велел он, снова усаживая меня за стол. — А я... я распоряжусь, чтобы тебе принесли самые лучшие лакомства. И новую цинь, ты же любишь играть? Я закажу тебе новую, с нефритовыми колками, слышишь?

Я кивнула, глядя, как он суетится, пытаюсь скрыть свое счастье и свое горе одновременно. И вдруг поняла: ради этого человека я точно должна выяснить, что с Сяо Фэн, попробовать разрешить проблему. Подобная любовь должна вознаграждаться.

— Отец, — окликнула я, когда он уже направился к двери. Он обернулся. — Спасибо тебе, — сказала я просто.

Он улыбнулся, а потом коснулся своего лба.

— Ох, раз ты сегодня такая, — он рассмеялся. — предупрежу и твоего названного брата. Он тоже будет рад узнать, что тебе лучше. Помнишь Гуань Фэна?

В это мгновение я в лице изменилась, но быстро вернула себе самообладание. Гуань Фэна я помнила.

Как забыть человека, который, возможно, вонзил клинок мне в спину?

Он стоял в том зале, я помнила его. Он как раз был за моей спиной. Он был ближе всех ко мне. Он мог это сделать. Он спасал своего друга.

Я сжала чашку так, что пальцы побелели. Да, я не учла, что попала в дом, где восхищались предателем. Правда, Сяо Жэньдэ я не винила. Ему откуда знать о гнилой природе воспитанника?

Гуань Фэн рано лишился родителей. Его отец, друг Сяо Жэньдэ, погиб в одном из походов, когда мальчику едва исполнилось семь. Мать не пережила горя, угасла за год, оставив сына сиротой. Сяо Жэньдэ забрал мальчика к себе, воспитал как родного, дал ему имя и дом.

А когда Гуань Фэн подрос, его знатное происхождение и связи приемного отца открыли ему дорогу во дворец. Его взяли компаньоном к наследному принцу Ван Цзэяню — ровеснику, с которым они вместе постигали науки и воинское искусство.

Так Гуань Фэн и вошел в круг избранных. В круг, где были Чжан Чэн, сын генерала Чжана, и мой брат, Син Шаохэн.

Я помнила, как брат рассказывал о нем.

"Гуань Фэн надежный человек, — говорил он за ужином, и отец согласно кивал. — Если что случится, на него можно положиться".

Если что случится...

Я горько усмехнулась. Когда случилось, на кого он положился? На своего драгоценного принца, который подписал приказ о казни моей семьи. На императора, который поверил клевете. На Гуань Фэна, который ничего не сделал, чтобы остановить это безумие. А потом он добил меня, когда я пыталась отомстить.

Я резко поставила чашку на стол, расплескав остывший чай.

— Предатели, — прошептала я одними губами. — Все они предатели.

Ван Цзэянь. Император Ван Чэньюй. Гуань Фэн.

Они виновны в смерти моих родных. Я не прощу никогда.

Судьба надо мной смеется, не иначе. Зачем было отправлять меня именно в этот дом? В дом, где вырос человек, которого я ненавижу больше всех после императора и наследного принца? Где мне придется часто видеть его каждый день, улыбаться ему, называть "братом"?

— Ты справишься, — сказала я себе вслух. — Ты справлялась и не с таким.

А я справлялась.

Я глубоко вздохнула и заставила себя успокоиться. Гнев — плохой советчик. Гнев затуманивает разум, а мне нужен ясный ум. Слишком многое поставлено на карту.

Чуньтао заглянула в дверь:

— Госпожа, ваш батюшка просил передать, что господин Гуань Фэн скоро прибудет. Он уже послал за ним слугу.

— Хорошо, — кивнула я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я подожду здесь.

Служанка исчезла, а я уставилась в стену, пытаюсь собраться с мыслями.

Гуань Фэн скоро будет здесь.

И вдруг меня словно молнией пронзило.

Ох небеса, сегодня же тот самый день, когда в прошлой жизни напали на Чжан Чэна!

Я вскочила, едва не опрокинув столик. Сердце заколотилось где-то в горле.

Как я могла забыть? Праздник фонарей, второй месяц весны — это же не только день моей смерти. Это день, когда Вэй Ляньчжи, молодой сын канцлера, нанял убийц, чтобы убить соперника.

Вэй Ляньчжи и Чжан Чэн боролись за место младшего судьи при дворе. Оба — сыновья влиятельных семей, оба — достойные претенденты. Но Вэй Ляньчжи был труслив и завистлив. Вместо честного соперничества он выбрал подлость — нанял наемников, чтобы те подстерегли Чжан Чэна по дороге домой.

В прошлой жизни я случайно оказалась рядом. Услышала шум, увидела кровь и... бросилась на помощь. Я вытащила Чжан Чэна, перевязала его раны, отвезла в заброшенный храм на холме. Я уже тогда о нем мечтала. А сегодня, в этой жизни, он снова окажется в опасности. Вторая Син Юэ, я, а она о нем думает? Предотвратит ли его смерть?

— Чуньтао, — крикнула я, выбегая в коридор.

Служанка появилась мгновенно, с расширенными от испуга глазами.

— Госпожа? Что случилось?

— Который час? — спросила я, хватая ее за руку. — Сколько осталось до заката?

— До заката? — растерялась она. — Ну... часа три, может, четыре. А что?

Три-четыре часа. В прошлой жизни нападение случилось на закате, когда Чжан Чэн возвращался из дворца. У меня есть время.

— Мне нужно выйти, — сказала я, уже прикидывая, как выбраться незаметно. — Срочно.

— Куда?! — Чуньтао побледнела. — Госпожа, вам нельзя! Вы только очнулись, лекарь велел лежать. И господин Гуань Фэн скоро приедет.

За стенами раздался шум: ржание лошадей, скрип повозки и чужие голоса. Гуань Фэн приехал.

Я замерла в коридоре, прижавшись спиной к стене.

Шум за воротами стих, что означало, что Гуань Фэн уже вошел в дом. Чуньтао смотрела на меня круглыми глазами, не понимая, почему я не бегу к выходу, а стою, словно каменная.

— Госпожа? — прошептала она. — Вам плохо?

— Нет, — выдохнула я, заставляя себя отлепиться от стены. — Идем. Надо встретить гостя.

Я не могла сбежать сейчас. Это вызвало бы слишком много вопросов. Сначала ужин, разговоры, притворство. А потом, когда все уснут...

Мы вошли в главный зал, и я увидела его.

Гуань Фэн стоял у окна, спиной к двери, и рассматривал цветущую сливу в саду. При звуке моих шагов он обернулся, и на мгновение мне показалось, что он видит меня насквозь. Догадывается, кто я такая.

Высокий, статный, в темно-синем халате, расшитом серебряными облаками. Волосы убраны в строгий пучок, перехваченный нефритовой заколкой — знак чиновничьего ранга. Я помнила, что он был красивым, слишком красивым для мужчины. Тонкие черты, высокие скулы, прямые брови и темные, глубокие глаза, смотрящие с легкой настороженностью. В руке он держал веер из рисовой бумаги, хотя для веера было еще холодно.

Да, не смогла бы я его забыть. Это лицо... как оно исказилось гневом в личных покоях, когда я убила императора.

— Фэн-эр! — окликнул меня Сяо Жэньдэ, сидевший за столом. — Иди сюда, садись рядом. Гуань Фэн специально приехал тебя проведать, как узнал, что ты очнулась.

Я заставила себя улыбнуться и сделать шаг вперед. Слова отца были ложью. Слишком громко он восторгался моим просветлением во дворе. Но я сделала вид, что не в курсе.

— Здравствуй, старший брат, — произнесла я.

Гуань Фэн склонил голову в легком поклоне, но в глазах его мелькнуло что-то странное — удивление? Недоверие?

Нет, он точно не понял, кто я такая. Просто от Сяо Фэн не ожидаешь, что она будет разговаривать на равных.

— Фэн-эр, — отозвался он, и голос у него оказался низким, спокойным, без особых эмоций. — Рад видеть тебя в добром здравии. Отец говорил, что ты чувствуешь себя лучше.

Я села на подушку, стараясь не встречаться с ним взглядом. Чуньтао тут же засуетилась, пододвигая мне чай и закуски.

— Гораздо лучше, — ответила я, глядя в стол. — Лекари говорят, кризис миновал.

— Более того, — вмешался Сяо Жэньдэ, сияя, как начищенный медяк. — Она разговаривает. Понимаешь, Фэн? Она меня понимает и отвечает складно! Я такого с ее десяти лет не припомню.

Гуань Фэн поднял бровь и внимательно посмотрел на меня. В его взгляде читалась спокойная, профессиональная оценка — так смотрят на подозреваемого перед допросом.

— Вот как? — протянул он. — Поистине, боги милостивы.

Он сел возле меня, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, и в голосе появилась легкая, почти незаметная забота. — Не кружится голова? Не тошнит?

— Нет, — ответила я коротко.

— А память? — продолжал он допрос. — Ты помнишь, что было до приступа?

Я внутренне сжалась. Он проверяет меня? Так сразу, с порога.

— Помню не все, — осторожно сказала я. — Некоторые вещи... как в тумане. Но отца помню, Чуньтао помню. Тебя... тоже помню. — Последние слова дались с трудом. Но я справилась. — Но мне интересно... — я воззрилась сначала на отца, а потом снова на Гуань Фэна.

— Что, родная? — тут же подался вперед Сяо Жэньдэ.

— Простите мою забывчивость, — опустила я виновато голову, полагая, что мой вопрос вызовет в генерале сожаление, — но почему наши имена звучат одинаково? Это был какой-то замысел?

Батюшка рассмеялся. Учítывая, прошлое самочувствие Сяо Фэн, подобные вопросы ей прощались, не казались странными. Небеса, да мне это удобно даже.

— Как ты хорошо подметила, Фэн-эр, — продолжал улыбаться он. — Да, мы с отцом Фэна дружили, но сложилось так случайно. Хотя и звучите одинаково, пишется по разному. Гуань Фэн — это клинок на страже, а ты осенний ветер.

— Поэтично, — хмыкнула я.

— Зато всем будет очевидно, что Гуань Фэн тебя охраняет.

Гуань Фэн кивнул, и на его губах тоже мелькнуло подобие улыбки. Холодной, отстраненной. Такой улыбки, которую дарят душевнобольным, не ожидая от них ничего путного.

— Верно, — сказал он. — Я буду охранять свою сестрицу.

Сяо Жэньдэ, не замечая напряжения, подливал нам чай и рассказывал последние новости. Я слушала вполуха, наблюдая за Гуань Фэном украдкой. Он почти не смотрел на меня. Вежливые взгляды, дежурные вопросы, и все. Для него я была просто "дурочкой" Сяо Фэн, дочерью наставника, которой он обязан уделять внимание, но не более.

И это было хорошо. Чем меньше он во мне видит, тем легче будет скрываться.

Я вспомнила, что знала о нем из прошлой жизни. Гуань Фэн занимал должность в Министерстве наказаний, не самую высокую, но влиятельную. Он расследовал особо важные дела, и ему благоволити и император, и наследный принц. Говорили, что он честен и неподкупен, что редкая птица для Запретного города.

Честен и неподкупен.

Я чуть не рассмеялась вслух. Если бы он был честен, он бы разобрался в заговоре против моей семьи. Если бы он был неподкупен, он бы не стоял рядом, когда нас убивали.

— Фэн-эр, ты чего улыбаешься? — спросил отец, и я вздрогнула.

— Вспомнила что-то хорошее, — нашла я. — Наверное, от радости, что все вместе.

Гуань Фэн снова посмотрел на меня, теперь чуть дольше и пристальнее, но ничего не сказал.

Ужин тянулся бесконечно. Мужчины говорили о службе, о погоде, о предстоящих событиях. Я молчала, кивала, изредка подносила чашку к губам. А сама считала минуты до того момента, когда смогу уйти.

Наконец, когда за окнами совсем стемнело, Гуань Фэн поднялся.

— Дядя, — сказал он, кланяясь Сяо Жэньдэ. — Прошу простить меня. Я отправлюсь ко сну. Завтра на рассвете мне нужно вернуться в Запретный город. Фэн-эр, — обратился он ко мне и поклонился, — я очень рад, что тебе лучше. Это самый ценный подарок от небес.

Сяо Жэньдэ его отпустил, зная, как тяжела доля чиновника.

— Хороший мальчик, — с удовлетворением сказал он. — Заботится о тебе. Ты бы видела, как он переживал, когда ты заболела.

— Видела, — пробормотала я, глядя в пустую чашку.

Так завершился вечер.

Я ждала, пока дом уснет.

В моей комнате горела лишь одна свеча, тонкий язычок пламени, дрожащий от сквозняка. Чуньтао сидела у двери на низкой скамеечке и клевала носом. День выдался долгим, она устала.

— Чуньтао, — позвала я тихо. — Иди спать. Я уже ложусь.

— Но госпожа, — она попыталась встать, но я жестом остановила ее.

— Иди, завтра поговорим. Мне не нужна нянька.

Служанка послушалась, слишком была измотана, чтобы спорить.

За этот день я немножко осмотрелась и нашла место, где служанки хранят лекарства и травы. Стянула их, надеясь, что до утра никто не заметит. После обрядилась в теплый плащ.

В поместье Сяо охрану не выставляли. Какой глупец нападет на дом генерала? Я выскользнула в коридор, затем повернула к черному ходу, которым пользовались слуги, и вышла на мостовую.

Ночной воздух обжег холодом. Луна спряталась за тучами. А это уже удача, меня никто не заметит. Я перебежала от дерева к дереву, а потом, поправившись, свободно пошла.

Город спал. Лишь редкие фонари освещали пустые улицы, да где-то лаяли собаки. К счастью, до поместья семьи Син рукой подать. Только бы успеть.

Глава 2. Син Юэ/ Сяо Фэн

Поместье семьи Син встречало меня тишиной и сумраком.

Я остановилась напротив знакомых ворот, и легкие сжались так, что на мгновение стало трудно дышать. Вот они, резные створки из темного дерева, которые я открывала тысячу раз. Вот каменные львы у входа, на спине левого я в детстве любила сидеть, дожидаясь отца со службы. Вот фонари, еще не зажженные, потому что стражники празднуют, и забыли о своих обязанностях. Мой дом, родной и любимый.

Я провела ладонью по холодному камню ограды и чуть не всхлипнула. Сколько раз я мечтала увидеть его снова. Сколько раз во сне возвращалась сюда, а просыпалась в каморке для служанок, заливаясь слезами. И вот я здесь, живая, настоящая, стою под стенами, за которыми спит моя семья. Отец, брат и та, другая я.

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Сейчас не время для слез. Чжан Чэн в опасности, и каждая минута на счету.

Я обогнула ограду и вышла к задней стене, туда, где рос старый, раскидистый ясень с толстыми ветвями, уходящими прямо во внутренний сад. Сколько раз я забиралась по нему, чтобы сбежать на свидание с Чжан Чэном или вернуться незамеченной после тайных прогулок, не перечесть. Ветви помнили мои ладони, а кора хранила следы моих туфель. Да, в ту пору я была истинным сорванцом.

Я ухватила за нижний сук, подтянулась и полезла вверх.

Тело Сяо Фэн оказалось слабее моего прежнего. Руки дрожали от напряжения, дыхание сбивалось, еще и головная боль не желала меня оставлять, но я лезла, цепляясь за каждую ветку, пока не добралась до знакомого сука, нависающего прямо над садом.

И в этот момент ветка подо мной жалобно хрустнула. Сяо Фэн, что, весила больше чем я? Ужасно.

Я едва не сорвалась, судорожно вцепившись в ствол, но равновесие удержать не смогла, кубарем полетела вниз, в кусты.

Удар о землю вышиб из меня дух. Я закашлялась, пытаюсь вдохнуть, и вдруг надо мной раздался испуганный женский вскрик.

— А-а-а!

Я замерла, подняла голову и увидела... себя.

Моя собственная прошлая я стояла в двух шагах, прижимая руки к груди и глядя на меня круглыми от ужаса глазами. Она была в домашнем халате, с распущенными волосами, видимо, вышла в сад подышать перед сном. Молодая, свежая, с еще не тронутым горем лицом. Да, припоминаю, примерно в таком одеянии я в прошлой жизни спасала своего жениха.

Я смотрела на нее и не могла пошевелиться. Да и как? Это ведь я. Я, но не такая я. Та самая я, которая еще не знала, что такое потеря. Которая верила в любовь и справедливость. Которая мечтала выйти замуж за Чжан Чэна и прожить с ним долгую счастливую жизнь. Ох, самой бы в этом разобраться.

В глазах заципало.

— Ты кто? — выдохнула Син Юэ, делая шаг назад. — Как ты сюда попала? Стража!

— Тише, — прохрипела я, с трудом поднимаясь на ноги и отряхиваясь от листвы. — Не кричи. Меня зовут Сяо Фэн.

Син Юэ замерла и всмотрелась в мое лицо. Фонарь, висевший неподалеку, освещал сад тусклым желтым светом, и она наконец разглядела мои черты.

— Сяо Фэн? — переспросила она недоверчиво. — Дочь генерала Сяо? Та самая, которая... — она запнулась, не решаясь произнести вслух.

— Дурочка, полоумная, сумасшедшая. Как вы меня еще называете? — закончила я за нее с кривой усмешкой. — Да, та самая.

Син Юэ покраснела и замахала руками:

— Я не то хотела сказать. Прости. Но что ты здесь делаешь? Как ты залезла на дерево? Ты же... — она снова прикусила язык.

— Болею? — подсказала я. — Да, болею. Но сегодня мне лучше.

Я отряхнула плащ от налипших листьев и попыталась принять более-менее приличный вид. Син Юэ смотрела на меня с таким выражением, с каким смотрят на нашкодившего котенка — жалостливо и немного испуганно.

— Ты зачем залезла? — спросила она тихо. — Если тебе что-то нужно, могла бы прийти через ворота, как все люди. Или послать служанку. Ты потерялась? Тебе нужна помощь?

— Я... — я лихорадочно соображала, что сказать. — Я искала кота.

Какой отвратительный предлог. Но он сработал.

— Кота? — Син Юэ изумленно моргнула.

— Да, — закатила я глаза. — Моего кота. Он убежал, а я за ним. А он залез на дерево, а потом спрыгнул в ваш сад, и я полезла, а ветка сломалась... — тараторила я, чувствуя, как нелепо это звучит.

Син Юэ посмотрела на дерево, потом на меня, потом снова на дерево. И вдруг улыbnулась. Несложно было догадаться, что она меня жалеет.

С одной стороны, безумно обидно. С другой, а как объяснить мое поведение?

— Бедняжка, — сказала она. — Ты, наверное, ушиблась? Давай я попрошу брата позвать за твоей семьей. Тебя, наверное, разыскивают.

— Ой, нет, — дернулась я в другую сторону. — Умоляю, не надо.

Мое поведение пуще прежнего напугало Син Юэ. И, увы, причины у нее были.

— Прошу тебя, — я буквально взмолилась, — не говори, что нашла меня. Я мыслю ясно, ищу кота. Не найду, тогда покину твое поместье. Но если ты скажешь, то меня снова запрут.

Все девушки в благородных семействах сталкивались с одинаковой проблемой. Нас никуда не выпускали одних. Услышав мою просьбу, Син Юэ смиротворилась.

— Не скажу, но тогда и ты не будешь здесь шастать. Я выведу тебя через ворота для слуг, а если найду твоего кота, то пришлю со служанкой. Тебя устраивает?

Я кивнула.

Она взяла меня под руку и повела по дорожке. Я шла, едва переставляя ноги, и смотрела на нее, точнее на себя прежнюю, такую живую и настоящую.

Она была доброй, наивной и глупой. Даже к "дурочке" Сяо Фэн, над которой все смеялись, она проявила участие. Как же я могла забыть, какой я была? Как могла позволить той боли и ненависти стереть все это?

— Ты никому не говори, что я здесь была, — попросила я. — А то мой отец будет ругаться.

Син Юэ хихикнула:

— Не скажу. Но ты больше так не делай, ладно?

Мы дошли до калитки в стене, которую я знала с детства. Син Юэ отодвинула засов и выглянула на улицу.

— Там никого, — сказала она. — Иди быстрее, и будь осторожна. Точно дойдешь? Хочешь, брата попрошу тебя проводить? Он будет молчать.

Я шагнула за порог и обернулась. Она стояла в свете фонаря, молодая, красивая, живая. Мое сердце разрывалось от любви и боли.

— Не проси, я не такая глупая, как обо мне говорят. И спасибо тебе. Ты очень добрая.

Син Юэ зарделась и закрыла калитку.

Я осталась одна в темном переулке. Прислонилась спиной к стене, пытаюсь унять дрожь. Встретить саму себя — это было страннее, чем оказаться в чужом теле. Страшнее, чем смотреть в глаза Гуань Фэну.

У меня был план. Я собиралась выпалить ей в лицо все опасности, которые ждут семью Син, но столкнувшись с ней, поняла, что она мне не поверит. Я бы сама не поверила.

Сделав глубокий вдох, я собиралась уже идти дальше, как вдруг заметила в конце переулочка какое-то движение. Несколько мужских фигур, которые при моем появлении шарахнулись в сторону и быстро растворились во тьме.

Демоны меня побери. Из-за того, что я отвлекла Син Юэ, она не сидела на заборе, мечтательно наблюдая за облаками, она разбиралась со мной.

Там Чжэн Чэн. Сердце ухнуло куда-то вниз.

К счастью, своим появлением спугнула наемников.

— Уходим, — бросил кто-то, и по стенам поползли длинные тени.

Я же кинулась в узкий переулок, из которого они выбирались, услышала чужой стон.

Чжан Чэна обнаружила сразу. Что в этой, что в прошлой жизни — его поза и раны оставались такими же.

— Чжан Чэн! — выдохнула я и упала на колени рядом.

Он не отвечал, потерял сознание. Главное, что он дышал, что его грудь медленно поднималась и опускалась. В этот раз я паниковала меньше, уже знала, что требуется делать.

Я сидела на коленях рядом с Чжан Чэном и смотрела на его бледное, залитое кровью лицо. В голове билась одна мысль: если бы я не полезла на это проклятое дерево, если бы не свалилась на Син Юэ, она бы сидела сейчас на заборе, как делала каждую ночь, мечтая о своем женихе. Она бы слышала шум. Она бы спасла его.

А теперь спасти придется мне. Какая же я дура. Надо было не мешать.

Я вздохнула, разрывая подол нижней рубашки на длинные полосы ткани.

Что сделано, то сделано.

Небеса распорядились иначе, и теперь я здесь, в чужом теле, с чужими слабыми руками, и должна вытащить с того света человека, которого люблю больше жизни.

Руки дрожали, но не от страха, а от напряжения. Самая страшная рана была под ребрами, глубокая, и кровь из нее хлестала так, что ткань намокала мгновенно. Я прижала тампон сильнее, зажала рукой, другой нащупала пульс на шее. Слабый, нитевидный, но есть.

— Держись, — прошептала я, обращаясь то ли к нему, то ли к небесам. — Только держись.

Я работала быстро, как учила меня когда-то старая знахарка в родовом поместье отца. Она говорила: *"Если хочешь выжить, девочка, умей и раны зашивать, и яды различать"*. Тогда я училась, потому что отец так велел. И он был прав. Эти знания спасали того, кто был мне дороже всех.

Я перевязала самые опасные раны, кое-как закрепила повязки. Кровь сочилась сквозь ткань, но уже не хлестала фонтаном. Хорошо, значит, есть время.

Потом я оставила его на несколько минут, разыскивая наемного возницу. Чжан Чэн родился под хорошей звездой, ведь такового я нашла быстро.

— Барышня, — раздался испуганный голос сзади, — вы не говорили, что ваш путник в ранах.

— Бросишь? — прищурилась я. — Ослаблю ведь на весь город. Лучше помоги, не дай человеку умереть.

Пришлось ему подбежать и помочь мне поднять Чжан Чэна.

— Барышня, это что ж такое? Кто ж его так?

— Мой муж, — выдохнула я, придумывая объяснение на ходу. — Разбойники напали в переулке. Помогите загрузить в повозку. А там я разберусь.

Мы вдвоем кое-как подняли Чжан Чэна. Он был тяжелым, почти неподъемным, но страх и адреналин придавали сил. Втащили его в повозку, уложили на кушетку.

— Куда ехать-то? — спросил возница, уже забираясь на козлы.

— На холм, — предложила я, прыгая следом. — К старому храму. Там есть где спрятаться, и там сухо.

— К храму? — переспросил он с сомнением. — Так он же заброшенный, барышня. Там давно никто не молится.

— Моя мать молилась, — ответила я коротко. — Трогай.

Возница может и хотел поспорить, но я показала золотой лян. Жажда денег затмила разум.

Повозка дернулась и покатила по мостовой. Я прижала голову Чжан Чэна к своим коленям, продолжая зажимать рану. В темноте повозки его лицо казалось восковым, безжизненным. Только слабое дыхание, которое я чувствовала щекой, говорило, что он еще жив.

— Не смей умирать, — шептала я, глядя его по волосам. — Слышишь? Ты не имеешь права. Я не для того вернулась, чтобы хоронить тебя снова.

Колеса стучали по камням, повозка тряслась на ухабах, и я молилась, чтобы эта тряска не добила его окончательно.

В прошлой жизни я везла его той же дорогой. Тогда я была собой, молодой, сильной, полной надежд. Тогда я еще не знала, что через год мою семью уничтожат. Что он закроет меня собой в тронном зале. Что я умру от чужого клинка в спину. Да, он не должен умереть. Хотя бы не сегодня.

— Госпожа, а муж-то ваш как же? — крикнул возница с козел, перекрывая шум колес. — Напоили его, что ли, разбойники?

Я на мгновение растерялась, а потом вспомнила, что сказала ему в первую встречу.

— Напился, — буркнула я. — Напился и сцепился с разбойниками. Дурак.

Возница понимающе хмыкнул и больше не приставал с вопросами.

Дорога пошла в гору. Повозка замедлила ход, колеса зашкрипели по камням. Я выглянула наружу, луна наконец выглянула из-за туч, и в ее бледном свете показался силуэт храма.

Старое, полуразрушенное здание из темного камня, с покосившейся крышей и заросшим двориком. Когда-то здесь было святилище богини милосердия Гуаньинь. Отец мне рассказывал, что моя мать любила приезжать сюда молиться. А потом, когда я выросла, мы с Чжан Чэном тайно встречались здесь. Это было единственное место, где нас никто не мог найти.

— Стой! — крикнула я, и повозка остановилась.

Я спрыгнула на землю и огляделась.

Тишина, только ветер шуршит в ветвях старых сосен. Храм выглядел темным, безжизненным, но внутри должно быть сухо. Я помнила, что крыша течет только в одном месте, у алтаря.

— Помоги занести, — велела я вознице.

Вдвоем мы снова втащили Чжан Чэна, теперь уже в храм. Я постелила солому в углу, где было чище всего, и мы уложили его туда.

— Дальше я сама, — сказала я, вытаскивая из-за пазухи свой золотой лян. — Спасибо тебе. И молчи, ладно?

Возница посмотрел на деньги, на меня, на окровавленное тело и покачал головой.

— Да я и не видел ничего, барышня. И как забыть все побыстрее хочу.

Он ушел, и я осталась одна.

В храме было темно и холодно.

Иногда сюда продолжали приходить паломники, оставляя какие-то предметы. Так я нашла масляный светильник, разожгла его. Тусклый свет озарил стены с остатками росписей, потрескавшийся алтарь, фигуру богини с отбитой рукой.

Я опустилась на колени рядом с Чжан Чэном и принялась разматывать повязки, чтобы перевязать раны заново, уже нормально, как меня учили.

Руки делали свое дело, а мысли унеслись далеко.

Сколько раз я сидела здесь, в этом храме, и ждала его? Сколько раз мы прятались за алтарем, когда кто-то случайно забредал сюда? Он приносил мне сладости, а я читала ему стихи, которые сочиняла сама. Отвратительные стихи. Мы были молоды и глупы, и нам казалось, что так будет всегда.

Ночь тянулась бесконечно.

Я сидела на холодном каменном полу, прислонившись спиной к стене, и смотрела на Чжан Чэна. Масляный светильник давно прогорел, и храм освещала только луна, пробивавшаяся сквозь щели в крыше. Ее бледный свет падал на его лицо, делая кожу еще блее, еще безжизненнее.

Но он дышал ровно и глубоко. Кровь остановилась.

Я перевязывала его раны уже трижды за ночь. В первый раз наспех, в переулке, лишь бы остановить кровь. Второй раз, в повозке, когда тряска едва не убила его. Третий уже здесь, в храме, когда я наконец смогла раздеть его и обработать каждую рану по-настоящему. Даже успела влить холодный отвар, восполняющий кровь. Был бы он теплым, снадобье сработало бы быстрее.

Врачевать острые и колотые раны я умела. Сложно этому не научиться, если твоя семья в нескольких поколениях считается военной.

Я промывала, прижигала, зашивала тонкой иглой, которую захватила с собой.

Теперь я сидела и смотрела на него, и мысли текли медленно, как патока.

Может, оно и к лучшему, что я не дала им встретиться.

В прошлой жизни Чжан Чэн пришел в себя и увидел надо собой... меня, Син Юэ. Я и тогда перевязывала его раны, тащила его на себе, не спала эту ночь, выхаживая его. И он полюбил меня за это. Или ему показалось, что полюбил? Благодарность так легко спутать с любовью.

А потом нашу семью уничтожили.

Я долго гадала, за что нам пришла такая напасть. В империи не один генерал дежрит собственное войско. Когда я уже продала душу Мо Юаню, когда попрощалась со всем человеческом в себе, я выяснила, что император... просто испугался.

Все началось с объявления помолвки между мной и Чжан Чэном. Дочь и сын двух сильнейших военных родов империи. Наши отцы командовали самыми боеспособными армиями. А если бы мы поженились, если бы наши семьи объединились...

Кто-то донес правителю, что мы замыслиаем переворот, хотя это было откровенной ложью. Кто-то нашептал, что два генерала, породнившись, смогут сместить его с трона Император поверил, и подписал приказ.

Мы не хотели захватывать трон. Мы вообще ни о чем таком не думали. Но страх правителя оказался сильнее правды.

Получалось, что я была во всем виновата. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Если бы Чжан Чэн не был так благодарен мне за спасение, если бы он не начал ухаживать за мной, если бы наши семьи не стали обсуждать помолвку... Может, всего этого не случилось бы? Может, они остались бы живы?

Я посмотрела на его лицо. Красивое, даже сейчас, бледное и израненное. Высокие скулы, прямые брови, твердая линия челюсти. Сколько раз я касалась этого лица, когда мы тайно встречались? Сколько раз гладила эти щеки, целовала эти губы?

Не удержавшись, я протянула руку и провела пальцами по его груди, туда, где под повязками билось сердце. Живое, такое теплое и ровное.

— Ты даже не представляешь, сколько бед принесла наша любовь, — прошептала я. — Сколько смертей и сколько слез. И ты меня потом защитил, даже окончательно не удостоверившись, что Цзинь Юэ, это Син Юэ.

Пальцы скользнули выше, к шее, к подбородку, к его скуле. Кожа мужчины была горячей — лихорадка уже началась.

Я провела большим пальцем по его губам.

— Может, в этот раз ты не влюбишься в свою спасительницу? — спросила я тихо. — Может, посмотришь на кого-то другого? Дочь канцлера, например, ее называют самой красивой барышней империи, или еще какую-нибудь благородную девицу, которую не считают полоумной.

Я горько усмехнулась. Себя я в расчет не брала. Для него я буду Сяо Фэн. А Сяо Фэн больна и не отдает себе отчета. Даже если я спасу ему жизнь, даже если вытащу с того света, он никогда не посмотрит на меня как на женщину. Он будет благодарен, да. Будет кланяться и рассypyпаться в любезностях, но не больше.

А Син Юэ... она останется жива. Не будет продавать душу демону. Не превратится в убийцу. Может, встретит кого-то другого, полюбит, выйдет замуж, нарожает детей. И никто не умрет.

— Я все исправлю, — пообещала я ему, себе, пустому храму. — Не дам отца и брата в обиду, найду виновных. И ты будешь жить долго и счастливо с кем-то, кто достоин тебя.

Я убрала руку и снова прислонилась к стене.

Время тянулось медленно. Я меняла повязки, поила его настоем из трав, который принесла с собой, и снова садилась в углу, глядя, как луна ползет по небу. Чжан Чэн метался в бреду, что-то бормотал, звал кого-то. Один раз я отчетливо расслышала: "Син Юэ, не уходи".

Сердце сжалось.

— Я здесь, — ответила я шепотом. — Никуда не уйду.

К рассвету его дыхание выровнялось, жар спал. Я задремала, сидя рядом, положив голову на согнутую руку.

И вдруг почувствовала, что на меня смотрят.

Я открыла глаза.

Да, чутье меня не подводило.

Чжан Чэн смотрел на меня в упор. Глаза его были открыты, ясны, в них читалось недоумение и слабость.

— Ты... — прохрипел он. — Кто ты?

Я замерла, не зная, что сказать.

Он поморщился, попытался приподняться и застонал от боли.

— Лежи, — велела я, прижимая его к соломе. — Не двигайся, у тебя раны.

Он послушался, но взгляда не отводил. Смотрел на мое лицо, на мои руки, на повязки, которыми я его перевязала.

— Я тебя знаю, знакомое лицо, — сказал он вдруг. — Ты... Сяо Фэн? Дочь генерала Сяо? Я кивнула, чувствуя, как внутри все переворачивается.

— Да, — ответила я тихо. — Я Сяо Фэн.

Он долго молчал, переваривая эту информацию. А потом спросил:

— Что случилось? Где я? И почему ты... почему ты меня спасла?

Он запнулся, не решаясь произнести вслух то, что все говорили за моей спиной.

— Дурочка, — закончила я за него с кривой усмешкой. — Полоумная, безумная, блаженная. Выбирай любое определение, все подходят.

Он смутился и попытался приподняться, но я снова прижала его к соломе.

— Лежи, говорю. Раны откроются.

— Что случилось? — спросил он, уже не пытаясь встать. — Где я? И почему ты... почему ты здесь?

Я вздохнула и убрала руки.

— На тебя напали. В переулке у поместья Син. Трое, может, четверо, я не разглядела, они сразу сбежали. Ты был без сознания, весь в крови. Я перевязала раны и привезла тебя сюда. Это старый храм на холме, тут безопасно.

Чжан Чэн слушал, и его лицо медленно менялось — от недоверия к удивлению, от удивления к чему-то похожему на благодарность.

— Ты меня спасла, — сказал он тихо. — Сяо Фэн.

Я кивнула.

— Но зачем? — в его голосе появились подозрительные нотки. — Почему ты решила помочь? Это же... это не твоего ума дело.

Последние слова он произнес и тут же пожалел об этом. Я увидела, как он дернулся, словно хотел забрать их обратно.

Но я не обиделась. Я смиренно склонила голову и тихо ответила:

— Да, ты прав, не моего. Я для вас для всех дурочка.

Он замер, глядя на меня с недоумением. Видно, не ожидал, что "дурочка" так легко согласится с его грубостью.

— Но знаешь, — добавила я, поднимая глаза, — очень беспечно ходить по улицам, когда у тебя есть враги. Таких, если мне не изменяет память, называют "дураками".

— Враги? — переспросил он настороженно.

Речь про дураков он пропустил. Ох, как естественно для мужчины.

— А разве нет? — я склонила голову набок, глядя на него с притворным простодушием. — Вы с Вэй Ляньчжи претендуете на одно место. Место младшего судьи при дворе. Говорят, оно только одно, а претендентов двое.

Чжан Чэн напрягся.

— Откуда ты... — начал он, но я перебила:

— Я много чего слышу. Люди говорят при мне, не стесняются. Думают, раз полоумная, то не понимает. А я понимаю и слышу.

Он смотрел на меня так, словно видел впервые. В его глазах мелькнуло что-то странное — удивление, смешанное с уважением.

— Ты хочешь сказать, что это Вэй Ляньчжи подослал убийц?

— Я ничего не хочу сказать, — пожала я плечами. — Я просто заметила, что ты жив только потому, что я случайно оказалась рядом. А Вэй Ляньчжи, говорят, очень обидчив и импульсивен. Говорят, он не умеет проигрывать. Но это все слухи, конечно. Я же всего лишь дурочка, откуда мне знать?

Чжан Чэн молчал, переваривая полученную информацию. А я смотрела на него и думала о том, что в прошлой жизни он тоже подозревал Вэй Ляньчжи, но не был до конца уверен. Теперь, после моих слов, он начнет копать. Может, даже найдет доказательства.

— Странно, Сяо Фэн, — фыкнул он, — теперь ты совсем не похожа на дурочку, — сказал он вдруг. — Ты говоришь складно, мыслишь здраво. Что с тобой произошло?

Сколько раз за эти сутки я слышала подобные слова.

Я грустно, чуть насмешливо улыбнулась.

— Может, я всегда такой была, просто никто не замечал. А может, боги надо мной смилостивились. Какая разница? Главное, что ты жив.

Я видела, что по его лицу разливается шок и благодарность. Он хотел что-то ответить, наверное, хотел похвалить меня, но в этот момент снаружи донесся шум.

— Сяо Фэн! Госпожа!

Я замерла. Чжан Чэн тоже напрягся.

Голоса приближались. Несколько человек, мужские, звали меня по имени. Факелы мелькали за стенами храма.

— Твои? — шепотом спросил Чжан Чэн.

— Мои, — выдохнула я. — Заметили, что меня нет.

Я вскочила и подбежала к двери, выглянула в щель. Я долго отсутствую, явно заметили.

Отец, испугавшись, поднял стражу. В узком отверстии разглядела лицо "братца". Гуань Фэн тоже здесь.

— Демоны его побери, — выругалась я сквозь зубы.

Я вернулась к Чжан Чэну.

— Мне пора. Если найдут меня здесь с тобой, проблем не оберемся. И тебе, и мне.

Он попытался сесть, но я жестом остановила его.

— Ты болен, я попробую прислать к тебе лекаря на рассвете. Пока просто лежи. И заройся в солому поглубже, чтобы никто не нашел.

— Но...

Надеялась, что он не будет спорить. Но раз он не смог смолчать, у меня тоже имелся аргумент.

— Чжан Чэн, ты провел несколько часов наедине с невинной девицей. Мой отец — генерал. Ты точно хочешь возмущаться, учитывая мои особенности и власть моего предка?

Мужчина смолк, посмотрел на меня долгим, странным взглядом и кивнул.

Я помогла ему зарыться в солому, набросала сверху охапку сухой травы, которую нашла в углу. Его почти не стало видно.

— Спасибо, — донеслось из-под соломы. — Ты... ты не такая, какой кажешься, Сяо Фэн.

— Будь осторожен, — ответила я, уже направляясь к двери. — И помни: Вэй Ляньчжи опасен. Все-таки будь осмотрительнее.

Я выскользнула из храма и закричала:

— Я здесь!

Я крикнула я, выбегая из храма и размахивая руками, чтобы привлечь внимание.

Факелы метнулись в мою сторону. Топот копыт, голоса, лязг сбруи, и через мгновение передо мной выросла темная фигура на коне.

Гуань Фэн.

Вот о нем я не подумала, даже не представляла, что он будет меня искать.

Он спрыгнул на землю, не дав коню остановиться, и в два шага оказался рядом. Схватил меня за плечи, встряхнул, глядя в лицо с такой яростью, что я на мгновение испугалась — узнал?

— Ты что здесь делаешь? — рявкнул он, забыв о всякой вежливости. — Ночь на дворе, храм заброшенный, ты одна! Ты понимаешь, что отец чуть с ума не сошел? Что я обыскался?

— Отпусти, больно, — вывернулась я, и он разжал пальцы, но взгляда не отвел.

— Отвечай.

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. В голове лихорадочно крутился план: замять, отвлечь, сделать вид, что ничего особенного не произошло.

— Гуляла, — сказала я как можно более беззаботно. — Решила подышать воздухом. Ночь такая красивая, луна...

— Гуляла? — перебил он, и в голосе его зазвенел металл. — В заброшенном храме? Посреди ночи? В одиночестве?

Я пожала плечами, стараясь выглядеть невозмутимой.

— А что такого? Я уже не маленькая. И потом, я теперь нормальная. Помнишь, отец говорил? Я все понимаю, мыслю ясно. Зачем мне няньки?

Гуань Фэн прищурился. В свете факелов его лицо казалось высеченным из камня — ни одной лишней эмоции, только холодная, профессиональная оценка.

— Нормальная, значит, — протянул он. — И поэтому среди ночи одна в заброшенном храме?

— Тебе не нравится? — я склонила голову набок, изображая простодушие. — А мне казалось, ты должен радоваться. Я же не дурочка больше. Могу гулять, когда хочу.

Увы, он не купился.

— Что в храме? — спросил он, уже делая шаг к двери.

Я метнулась наперерез, встала прямо перед входом, раскинув руки.

— Ничего, там пусто. Я просто сидела, думала.

— Тогда дай войти.

— Не пущу. — Расставила я руки.

Да, я вела себя как идиотка, но ведь внутри Чжан Чэн, что я скажу, когда его обнаружат?

Гуань Фэн посмотрел на меня долгим, странным взглядом.

— Ты что-то скрываешь, — сказал он тихо. — Отойди, Сяо Фэн. Не мешай мне.

— Я не отойду.

Он легко отодвинул меня плечом и шагнул внутрь храма.

Я рванула следом, чувствуя, как сердце проваливается куда-то в живот. Если он найдет Чжан Чэна, если увидит его здесь, в соломе, полураздетого, раненого...

Гуань Фэн обвел взглядом темное помещение. Луна едва освещала стены, алтарь, груды соломы в углах. Он сделал несколько шагов, всматриваясь в темноту.

— Здесь кто-то был, — сказал он, останавливаясь. — Я чувствую запах крови.

— Это я поранилась, — выпалила я первое, что пришло в голову. И показала свои руки, а там ссадин и царапин после сада в семье Син было не перечсть. — Такая неуклюжая.

Он недоверчиво обернулся и посмотрел на меня с таким выражением, что мне стало не по себе. Во взгляде его читалось: "Ты мне врешь, и врешь плохо".

А я реально врала плохо.

— Сяо Фэн, — начал он, но я перебила:

— Послушай, я понимаю, что ты волнуешься. Но я уже взрослая. Я могу сама о себе позаботиться. И если я захочу пойти погулять посреди ночи, я пойду. А ты... ты все портишь! Приехал со стражей, поднял шум, теперь все будут знать, что я сбежала. Отец расстроится. А я просто хотела... хотела почувствовать себя свободной.

Я говорила быстро, сбивчиво, почти выкрикивала слова. И в этом была доля правды — я действительно устала притворяться, устала прятаться, устала бояться.

Гуань Фэн слушал, и лицо его медленно менялось. Жесткость уходила, сменяясь чем-то похожим на усталость и... понимание?

— Какая же ты дура, — сказал он наконец, но уже без злости. — Отец волнуется, а ты о свободе думаешь.

— Что ты сказал?, — тихо переспросила я. — Я просто... другая.

Он хотел что-то произнести, может, обвинить, но вдруг замер. Взгляд его упал на солому в углу, и я увидела, как дрогнули его зрачки.

Он заметил.

Там, в соломе, что-то шевельнулось, или ему показалось? Но я знала, что нет. Не показалось. Чжан Чэн не мог лежать совсем неподвижно, он человек. Он дышал, двигался, ощущал. В общем, выдал себя.

Гуань Фэн смотрел туда долгих три секунды. Я замерла, ожидая отповеди и того, что Чжан Чэна обнаружат, но... мужчина просто перевел взгляд на меня.

— Пойдем, — сказал он спокойно. — тебя мой наставник и твой отец ждет.

Я не поверила своим ушам. Он не... он не пойдет проверять? Не спросит, кто там?

Он взял меня за руку и повел к выходу. На пороге обернулся и бросил стражникам, которые топтались неподалеку:

— Оставьте одну лошадь. И пошлите кого-нибудь к лекарю. Пусть прибудет сюда на рассвете со снадобьями.

Сердце окончательно ухнуло вниз. Он знает, заметил.

Я хотела вырваться, спросить, зачем он это делает, но он уже подхватил меня на руки и усадил в седло, а сам вскочил сзади.

— Держись, — бросил он и тронул поводья.

Конь пошел рысью, и я прижалась к Гуань Фэну, чувствуя, как внутри все кипит. Он видел Чжан Чэна. Он наверняка понял, кто это. И он... он не выдал. Оставил лошадь, велел позвать лекаря для Чжан Чэна.

Зачем?

Мы ехали вниз с холма, и я молчала, боясь заговорить. А Гуань Фэн тоже молчал, доводя меня до иступления.

Глава 3. Син Юэ/ Сяо Фэн

Ворота поместья Сяо распахнулись перед нами, едва конь замедлил шаг. Факелы плясали в руках слуг, отбрасывая длинные тени на каменную дорожку, и в этом мечущемся свете я увидела отца.

Он действительно волновался и места себе не находил.

Сяо Жэньдэ стоял на крыльце, бледный, с трясущимися руками, и смотрел на меня так, словно я явилась с того света.

— Фэн-эр,— голос его сорвался, и он бросился к нам, едва Гуань Фэн натянул поводья.

Я не успела прыгнуть, отец сам подхватил меня, стащил с коня и прижал к себе так сильно, что затрещали ребра.

— Девочка моя, — бормотал он, глядя меня по голове дрожащими пальцами. — Жива, жива... Я думал, все, потерял...

— Отец, — прошептала я, утыкаясь носом в его плечо, — я здесь, я в порядке.

Он отстранился, всматриваясь в мое лицо с такой жадностью, словно боялся, что я исчезну. Глаза его были красными, опухшими. Он опять плакал, и не скрывал этого.

— Ты сбежала, — сказал он, и в голосе его звучала боль. — Опять сбежала. Я думал, ты решила...

Он не договорил, но я поняла.

— Нет! — я схватила его за руки. — Нет, отец, ты не так понял. Я просто гуляла. Решила подышать воздухом, когда поняла, что могу мыслить ясно. Почувствовала себя здоровой и захотела свободы. Всего на час. Я не хотела тебя пугать.

Он смотрел на меня недоверчиво, и в глазах его все еще стоял страх.

— Ты не хотела уйти? Насовсем?

— Нет же, — я покачала головой, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Клянусь тебе. Я просто гуляла.

Сяо Жэньдэ выдохнул, прикрыл глаза, и я увидела, как напряжение отпускает его плечи.

— Слава небесам, — прошептал он. — Слава небесам.

Гуань Фэн все это время стоял рядом, молчаливый и непроницаемый, как каменное изваяние. Отец повернулся к нему и низко поклонился. Так, как кланяются старшим по званию, хотя Гуань Фэн был младше.

— Спасибо тебе, Фэн, — сказал он тихо. — Спасибо, что нашел ее.

Гуань Фэн ответил коротким поклоном.

— Долг чести, дядя. Не мог вам не помочь.

Больше он не сказал ни слова. Только посмотрел на меня долгим и тяжелым взглядом, в котором читалось: "Мы доворим". Потом развернулся и ушел в темноту, к конюшням.

— Пойдем, — отец взял меня под руку и повел в дом. — Ты, наверное, замерзла, устала... Чуньтао! Чуньтао, иди сюда!

Служанка выбежала нам навстречу, и у меня снова сердце сжалось. Лицо у нее было красное, заплаканное, глаза опухли так, что превратились в щелочки. Увидев меня, она всхлипнула и упала на колени прямо посреди двора.

— Барышня, моя госпожа, — зарыдала она, ударяясь лбом о каменные плиты. — Госпожа, простите меня. Я не уследила, я заснула. Меня наказали, но я заслужила. Простите!

Я бросилась к ней, попыталась поднять, но она не вставала, только кланялась и кланялась, разбивая лоб в кровь.

— Чуньтао, встань! — я тянула ее за плечи. — Встань, слышишь? Ты не виновата. Это я тебя усыпила.

Она замерла, подняла на меня заплаканные глаза.

— Что?

— Я тебе в чай снотворное подлила, — призналась я, чувствуя, как стыд жжет щеки. — Чтобы ты не проснулась и не помешала мне уйти. Это я виновата, не ты.

Чуньтао смотрела на меня, разинув рот, и по ее лицу текли слезы, смешиваясь с кровью из разбитого лба.

— Госпожа... зачем?

Я не знала, что ответить. Как объяснить этой преданной девушке, что я не та, за кого себя выдаю? Что моя душа старше и грязнее, чем ее госпожа? Что я не имею права на ее любовь и преданность?

— Прости меня, — сказала я тихо. — Просто прости.

Я поднялась и пошла в дом, оставив ее стоять на коленях во дворе. Стыд душил меня, но правду я сказать не могла.

В моих покоях было темно и холодно. Я села на кровать, обхватила колени руками и устала в одну точку.

Отец думает, что я хотела покончить с собой. Чуньтао разбила лоб, потому что боялась наказания за мой побег. Гуань Фэн знает, что в храме был Чжан Чэн, и не сказал никому, но будет следить за мной. А я сижу здесь, в чужом теле, и пытаюсь спасти всех, кого люблю.

— Что же ты наделала, Син Юэ, — прошептала я в пустоту.

Она, то есть я, мне не ответили. Только ветер шумел за окном, да где-то вдалеке лаяли собаки.

Ночь только начиналась. А впереди было еще столько всего.

Я лежала на кровати, глядя в потолок, и не могла уснуть. Слишком много мыслей роилось в голове, слишком много страхов давило на грудь. Отец, Чуньтао, Чжан Чэн, Гуань Фэн — все они мелькали перед глазами, не давая покоя.

За окном давно погасли все огни. Даже стража у ворот, наверное, дремала, прислонившись к стене. Только луна светила в окно, заливая комнату бледным серебряным светом. Она меня раздражала.

Я уже начала проваливаться в дремоту, когда вдруг почувствовала, что в комнате кто-то есть.

Резко села, прижимая одеяло к груди, и замерла.

В тени у окна стоял Гуань Фэн. Странно, что я почти не удивилась.

— Ты... — выдохнула я, но он шагнул вперед, и лунный свет упал на его лицо.

Холодное, жесткое, с горящими в темноте глазами. В руке он держал нож.

— Не кричи, — сказал он тихо, но в этом шепоте зазвенела сталь.

Я вскочила, отступая к изголовью кровати, но он оказался быстрее. Схватил меня за плечо, рванул на себя, и я вскрикнула от боли и неожиданности.

— Замолчи, — рявкнул он, зажимая мне рот ладонью. — Будешь кричать, хуже будет.

Я смотрела на него во все глаза, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Он сошел с ума? Решил убить меня? За что?

Но он убрал руку от моего рта и резко дернул ворот ночной рубашки вниз.

— Что ты делаешь?! — я попыталась вырваться, но он был сильнее. Его пальцы впились в мое плечо, удерживая на месте, а лезвие ножа скользнуло по коже.

— Не дергайся, — процедил он. — Не собираюсь я тебя резать и убивать... пока. Мне наплевать.

Он отвел край рубашки в сторону, обнажая мое левое плечо, потом правое. Я стояла ни жива ни мертва, чувствуя, как его взгляд скользит по моей коже.

— Что ты ищешь? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он не ответил. Провел пальцами по ключице, нажимая так, словно пытался нащупать что-то под кожей. Потом перешел к другой, к шее, к лопаткам.

Я замерла, боясь дышать.

Наконец он убрал руку и отступил на шаг. В глазах его мелькнуло что-то странное. Я так и не разобралась, облегчение это или разочарование.

— Метки нет, — сказал он вслух, словно сам себе.

— Какой метки? — я придерживала разорванный ворот, пытаюсь прикрыться. — Ты что, с ума сошел? Врываешься ночью, раздеваешь меня...

— Заткнись, — оборвал он грубо. — Я должен был убедиться.

— В чем убедиться?! — во мне наконец закипела злость.

Он посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Что ты не продала душу, — ответил он тихо. — Такие внезапные просветления у полоумных, как у тебя... иногда случаются, если человек заключает сделку с темными силами. Демоны ставят метку на теле, чаще всего на ключицах или шее. Я должен был проверить.

Я замерла, переваривая услышанное. Он подозревал, что я продала душу демону? И пришел проверить?

— Ты мой названный брат! — выкрикнула я, уже не сдерживаясь. — Ты рос в этом доме. Мой отец вырастил тебя как родного, а ты врываешься ко мне ночью с ножом, раздеваешь, трогаешь... Это как называется?

Он ничуть не смутился.

— Это называется осторожностью, — ответил он холодно. — Твое просветление слишком подозрительно, сестрица Сяо Фэн. Слишком внезапно и слишком идеально. Таких чудес не бывает.

— А может, боги сжалились надо мной? — я поправила рубашку, завязывая разорванные края узлом. — Может, я заслужила несколько лет нормальной жизни перед смертью?

Он криво усмехнулся.

— Что-то сомневаюсь. Боги не вмешиваются в дела людей. А демоны вмешиваться любят, да.

— И что теперь? — я вызывающе посмотрела на него. — Метки нет. Значит, я чиста. Можешь уйти?

Он не двигался. Стоял, сверля меня взглядом, и молчал.

— Я буду за тобой следить, — сказал он наконец. — Если вдруг ты продала душу...

— Угрожаешь? — тихо спросила я.

— Предупреждаю, — поправил он. — И еще. Чтобы больше никаких ночных прогулок. Никаких встреч с мужчинами. Ты дочь генерала Сяо, и твое поведение ложится пятном на весь род. Если отец узнает, что ты была не одна в том храме...

Я запаниковала. Мне не показалось, он заметил ярость. Этот человек... этот самоуверенный, грубый, бесчувственный...

— Поняла, — процедила я сквозь зубы.

Он посмотрел на меня еще мгновение, потом сунул нож в ножны и направился к окну.

— Гуань Фэн, — окликнула я.

Он обернулся.

— Ты хам, — сказала я. — Самый настоящий хам.

В темноте мне показалось, или на его губах действительно мелькнула усмешка?

— Спи, сестрица, — бросил он и исчез за окном.

Я осталась одна, прижимая к груди разорванную рубашку и пытаюсь унять дрожь.

Гуань Фэн будет следить за мной. Каждый мой шаг, каждое слово. Если я оступлюсь, он узнает. И тогда...

Я не стала додумывать. Легла на кровать, свернулась калачиком и уставилась в стену.

Я все-таки уснула.

Не помню, в какой момент провалилась в темноту, но очнулась оттого, что за окном уже ярко разливались солнечные лучи. Но и не они меня разбудили, а внезапное озарение.

Я села на кровати, прижимая к груди одеяло, и уставилась в стену.

Гуань Фэн вчера проверял меня на метку. Он думал, я продала душу демону. Неудивительно, что вчера я не придавала значения его слова.

В прошлой жизни я слишком много узнала о демонах, об их сделках, об их метках. Мо Юань был щедр на знания, когда я подписала тот контракт. Ему было выгодно, чтобы я понимала, кому принадлежу.

Но дело не в этом.

Отец и Чуньтао обмолвились, что Сяо Фэн была нормальным ребенком. До десяти лет она разговаривала, смеялась, училась. А потом что-то произошло. Девочка, которую все знали, исчезла. Осталась только оболочка, бормочущая невнятицу.

Что за болезнь, которая так резко меняет характер и лишает разума? Какое злое проклятие? А если Гуань Фэн в чем-то прав?

Я поднялась и потянулась. Взглянув на постель, на комнату, на легкий бардак, заново вспомнила последствия моей ночной вылазки и грубого братца. Да, пожалуй, я была беспечна. Больше не буду лезть на рожон без острой необходимости.

— Чуньтао, — лениво подозвала служанку.

Она вбежала мгновенно, словно всю ночь просидела под дверью. Лицо у нее было бледное, глаза опухли от слез, но смотрели на меня с той же преданной собачьей верностью, от которой у меня сжималось сердце.

И с ней надо быть аккуратней, не подставлять эту милую девушку.

— Госпожа? — она поклонилась, и я заметила, как она поморщилась от боли. — Вы проснулись? Помочь вам одеться?

— Помоги, — улыбнулась я. — А еще я хотела бы тебя порасспрашивать...

— Ой, конечно. Что вам рассказать, госпожа?

Она, наверное, ждала вопросы про платья и украшения.

Я зевнула, прикрыв рот ладонью. В прошлой жизни я поднималась с рассветом, но в этой... почему-то тело продолжало меня не слушаться. Очень изнеженное.

— Расскажи про меня, — я посмотрела ей прямо в глаза. — Про то, когда я стала... такой. Отец сказал, до десяти лет я была обычной. Что случилось?

Чуньтао побледнела еще сильнее. Руки ее задрожали, и она опустилась на колени, хотя я велела сесть.

— Госпожа, зачем вам это? А если я наврежу, а если вы опять заболите и не проснетесь?

— Чуньтао, — я потянула ее двумя руками, заставляя встать. — Я не знаю, сколько мне осталось. Но пока я в здравом уме, я хочу понимать, что со мной произошло. Прошу тебя.

Я бы не отстала, и она это поняла.

— Это из-за вашей матушки, госпожа. Вам едва десять лет минуло. Она же болела долго. А в тот день ей стало совсем худо. Лекарь сказал, что до утра не дотянет. Вы сидели у ее постели, держали за руку, не хотели уходить. А потом... — Чуньтао всхлипнула. — Потом матушка ваша умерла. Вы вышли на крыльцо, сели на ступени и замерли. Мы думали, вы плачете, а вы просто сидели и смотрели в одну точку.

— А мой отец? — заинтересовалась я. — Он не сидел с нами рядом?

Чуньтао вздохнула еще жалостливее, сгорбилась, как древняя старушка и затравленно посмотрела на дверь.

Я прищурилась. Это не нормальная реакция, а страх перед наказанием.

— Будь открытой со мной и говори, что у тебя на уме, — велела я. — Я не буду тебя наказывать, даже если твои слова мне не понравятся. Клянусь. Что с моим отцом?

— Ну... — горничная никак не решалась, но заметив блеск во мне, все-таки прошептала, — ваш отец тогда не присутствовал. Он и в ваши первые десять лет вас почти не знал. Брак договорной, родилась дочь, а не сын у генерала.

— Что потом? — я подалась вперед.

— А что потом? — пожала она плечами. — Вы изменились, разговаривать перестали, нам не отвечали. Тогда-то господин и приехал. Страшно испугался. До сих пор себя винит, что он виноват в вашем недуге, и что жену не уберег. До сих пор тот туманный день помню. Иногда в холодном поту просыпаюсь.

Значит, Сяо Жэньде с матерью Сяо Фэн были не близки. Меня подобное отношение не удивляло и не расстраивало. Мой отец тоже женился по договорному браку, но смог относиться к супруге уважительно. Возможно, потому что Шаохэн первым родился. Наследник есть, оттого и уважение.

Я зацепилась за другие слова Чуньтао. Она рассказала мне про туман. Густой, белый, окутавший весь дом.

Я знала этот признак. Мо Юань являлся в тумане. Когда я отдала ему душу, все тоже было в тумане.

Я не ошиблась, да и Гуань Фэн необычайно прозорлив. Сяо Фэн продала душу.

Как? Мо Юань и ребенка не пожалел? Забрал ее память, ее разум, ее саму, оставив пустую оболочку. А взамен дал... что? И где эта проклятая метка?

— Госпожа? — Чуньтао смотрела на меня с тревогой. — Вам плохо? Вы так смотрите, задрожали. Все, не буду ничего рассказывать. Вы как что-то узнаете, у вас ладони холодеют, а лицо будто белилами покрыли.

— Все хорошо, — я заставила себя улыбнуться. — Спасибо тебе, Чуньтао. Мне приятно, что ты рядом со мной и откровенна.

Она поклонилась и попятилась к двери, но я окликнула ее:

— Постой. Я хочу попросить тебя еще об одном одолжении. Завтра с утра ты пойдешь в город и сделаешь кое-что для меня. Вложишь деньги в несколько дел. Я скажу, в какие именно.

Чуньтао удивилась.

— Госпожа? Но вы никогда не интересовались... то есть, раньше вы...

— Пока не спрашивай. Самой с мыслями надо собраться. Вечером тебя позову.

У меня родился отчаянный план.

Я просидела над счетными книгами весь день.

Чуньтао приносила чай, потом обед, потом снова чай, а я все листала пожелтевшие страницы, водила пальцем по столбцам цифр и думала.

В прошлой жизни я следила за финансами семьи и научилась этому довольно рано. Отец и брат уходили в походы, а я оставалась за старшую в поместье. Сначала просто следила, чтобы слуги не воровали, чтобы запасы не переводились попусту. А потом поняла: если не считать каждую монету, чиновники сожрут все, что предназначалось воинам.

Я помнила, как впервые увидела отчетность наших поставщиков. Они списывали рис по ценам втрое выше рыночных, а на деле закупали гнилое зерно. Воины ели эту баланду, болели, умирали. А чиновники набивали карманы. Им-то наплевать на воинов.

Тогда я и начала вкладываться в различные предприятия. Помогала мелким лавочникам, которые обладали талантами, но не имели средств. К шестнадцати годам я увеличила состояние семьи Син втрое. Отец был чрезмерно мною горд. Говорил, что Шаохэн стал героем на поле брани, а я героем в финансах.

Забавно, что эти знания и умения снова станут мне опорой.

Я пролистала книги до конца, загибая страницы, делая пометки углем на полях. У Сяо Фэн оказалось не так уж много своего: приданое матери, несколько украшений, подаренных

отцом, небольшой счет в городской лавке, где хранили деньги благородные семьи. Все вместе — тысяч пять лянв серебром.

Для девушки, которая никогда не выходила из дома, целое состояние. Для меня, знающей, сколько стоит содержание армии — капля в море.

— Ничего, — прошептала я, закрывая последнюю книгу. — Будем умножать.

Я составила план на отдельном листе бумаги. Выписала три лавки, куда стоило вложиться: шелковая, скобяная и меняльная контора, потому что была в них уверена. Еще двух ростовщиков, которые следили за надежностью клиентов. И решила вложиться в один караван, уходивший на запад. Это очень рискованно, прошлая Син Юэ не согласилась, но я помнила, что караван вернулся, а я потом локти кусала.

Половину прибыли я оставлю дому Сяо. Это не мои деньги по праву, я лишь временная хозяйка этого тела. Но другая половина... другая половина пойдет в тайник. На случай, если семье Син снова понадобится помощь. Если они снова окажутся в беде, у них будут средства. Хотя бы на побег, хотя бы на то, чтобы продержаться первое время.

Я жала кисть так, что она хрустнула. В этот раз я не дам отцу и брату в обиду.

Вечером, когда стемнело, я позвала Чуньтао.

Она вошла бесшумно, как всегда, с опущенными глазами. Лоб ее был по-прежнему замотан белой тканью, и меня снова кольнуло чувство вины.

— Чуньтао, — я поманила ее ближе. — Слушай внимательно. Завтра с утра ты пойдешь в город и сделаешь вот что.

Я протянула ей список. Она взяла его дрожащими пальцами, пробежала глазами по строчкам, и лицо ее вытянулось от удивления.

— Госпожа... это же... это торговые дела. Вы хотите, чтобы я вложила деньги? Но я не понимаю в этом ничего, я простая служанка, я могу ошибиться, потерять все...

— Не ошибешься, — перебила я твердо. — Я описала каждую мелочь. Тебе просто нужно делать все, что написано в списке. Ты пойдешь к старшему приказчику в шелковой лавке, скажешь, что хочешь купить долю от имени госпожи Сяо Фэн. Он будет удивлен, но деньги возьмет. Потом пойдешь к ростовщику Ли, тому, что за Восточными воротами. Он даст расписку. Потом...

Я говорила долго, обстоятельно, объясняя каждую деталь. Чуньтао слушала, раскрыв рот, и в глазах ее постепенно угасало недоверие, сменяясь чем-то похожим на восхищение.

— Госпожа, — выдохнула она, когда я закончила. — Откуда вы все это знаете? Я улыбнулась, чуть печально.

— Я и раньше все это знала, Чуньтао. Просто болезнь не давала мне говорить. А теперь дает.

Она смотрела на меня с такой смесью обожания и боли, что у меня защемило сердце. Потом перевела взгляд на окно и вдруг замерла.

— Ох, я бы и сейчас пошла, но снова туман. Терпеть не могу такую погоду.

Я обернулась.

Да, туман был. Еще и слишком густой. В его свете фонари казались мутными пятнами, а деревья призрачными тенями.

— Иди спать, Чуньтао. Завтра туман рассеется. О моей просьбе пока отцу не говори. Это между нами.

— Но госпожа...

— Если потом будет расспрашивать, объяснишь, что я приказала. Но ты не бойся, — я ласково погладила ее по плечу. — Он меня так любит, что никого не накажет, да и дела прибыльные. Ты же хочешь увеличить свое жалованье?

Судя по ее блеску в глазах, она, конечно, хотела. Правда и боялась знатно. Она поколебалась несколько секунд, но послушаться не посмела. Поклонилась, пятясь к двери, и исчезла

в коридоре. Я слышала, как затихают ее шаги, как скрипит дверь в ее каморку, как наступает тишина.

А потом я повернулась к окну.

Туман подобрался совсем близко. Он буквально лизал подоконник, просачивался сквозь щели, и оседал холодной влагой на коже. Я зажгла свечу — одну-единственную, тонкий язычок пламени, дрожащий на ветру. Поставила ее на подоконник, распахнула створки шире, впуская ночной холод.

Знала, сегодня ночью у меня будут гости.

Туман за окном продолжал сгущаться. Даже холод стал пробираться. Свеча давно погасла, и комната погрузилась в полумрак. Я не знала, сколько прошло времени. Может, миг, может, час.

А потом я просто поняла, он рядом. Не услышала, не увидела, кожей почувствовала.

— Не хочешь зажечь свет? — раздалось из темноты. — Или тебе нравится встречать старых друзей в потемках?

Руки дрогнули, но я заставила себя успокоиться. Нащупала кремень, чиркнула, зажигая свечи. Комната наполнилась теплым светом.

Мо Юань стоял в углу, у стены, прислонившись плечом к резной ширме. И даже в этом небрежном движении чувствовалась опасная грация хищника, отдыхающего после охоты.

И вправду говорят, нельзя верить красивым.

Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. В прошлой жизни я видела его много раз, но каждый раз поражалась, как может демон быть настолько прекрасным?

У него были дивные, длинные волосы цвета серебра. Они рассыпались по спине и струились по плечам, касаясь его вышитого пояса. Кожа у него была белоснежной, словно он зимним инеем покрыт. А глаза я всегда особенно выделяла. Синие, как бездонное озеро, с вертикальными зрачками, как у змеи. Они смотрели на меня с насмешливым интересом, и в их глубине плясали тени.

— Здравствуй, Юэ, — произнес он.

Я слотнула, пытаясь унять дрожь в голосе.

— Здравствуй, Мо Юань.

Он улыбнулся еще шире.

— А ты не кричишь, не падаешь в обморок, как в нашу первую встречу. Я впечатлен.

— Чему ты удивляешься? — равнодушно бросила я. — Раз ты пришел и знаешь, что я Юэ, то мы давно знакомы.

— Верно, — он кивнул и шагнул вперед, выходя из тени. — Потому и пришел. — Он остановился в двух шагах от меня, а потом уселся в кресло. — Сколько же у тебя теперь имен, Юэ? — задумчиво протянул он, склоняя голову набок. — Син Юэ, Цзинь Юэ, Сяо Фэн... Голова кругом идет.

— Ты за этим пришел? — я поморщилась. — Пересчитывать мои имена?

— Нет, — он усмехнулся. — Пришел поговорить. Позволишь звать тебя Цзинь Юэ, мое любимое имя.

Я помедлила. Цзинь Юэ было именем моей мести, моей тьмы, моего падения. Но оно было моим. Это было имя, которое выбрала я сама.

— Позволяю, Мо Юань. Да и как тебе противостоять?

Он расплылся в улыбке очень счастливого кота, поймавшего мышь, но еще не убив ее. Похоже, что этой возможной мышью была я.

— Ты очень тонко подметила, моя, — он подчеркнул, — Цзинь Юэ. Мне нельзя противостоять.

Я нахмурилась.

— Твои намеки мне не нравятся.

— О, я знаю, — в его голосе прорезались металлические нотки. — Ты, наглая девчонка, посчитала, что освободилась? Так нет, твоя душа все еще принадлежит мне по контракту. Ты уже умерла, и я пришел за ней в назначенный час... и не нашел ничего.

Он внезапно поднялся, сделал шаг ко мне и навис, словно стараясь меня объять своим телом.

— Вместо этого ты каким-то образом оказалась здесь, в теле этой несчастной сумасшедшей. И знаешь, что самое обидное? — он прищурился. — В нашу сделку вмешались небожители. Захотели дать тебе второй шанс.

— Небожители, — изумилась я.

— Цзинь Юэ, не обольщайся, — зло рассмеялся Мо Юань. — Ты хоть и проживаешь вторую жизнь, но вряд ли спасают тебя.

— Тогда ради кого все это? — вырвалось у меня.

Он усмехнулся, и в этой усмешке мне почудилось что-то... странное. Словно он знал больше, чем говорил.

— Сам не знаю, но ты не праведница, чтобы за тебя вступались.

У меня не было времени подумать, но почему-то я вспомнила о Чжан Чэне. Лишившись семьи, продав душу, своему жениху я ничего не сказала. А когда вошла в гарем, чтобы отомстить, он меня не узнал. Лишь перед смертью он назвал меня настоящим именем.

Сердце пропустило удар.

Мне нельзя допустить, чтобы он снова напрасно погиб.

Мо Юань протянул руку и коснулся моего подбородка, заставляя поднять голову. Его пальцы были ледяными.

— Цзинь Юэ, я не знаю, кого охраняют небожители, но не тебя. Важно то, что наш контракт не расторгнут. Ты все еще моя. И я хочу, чтобы ты подписала его заново.

Я отдернула голову.

— Зачем мне его подписывать заново?

— О? — он изогнул бровь. — Кто-то храбрости набрался. Надо ли напоминать, что сейчас ты слаба и бесполезна? А кто будет мстить за семью Син? Кто покарает твоих врагов? Без моей силы ты ничто, Цзинь Юэ. Ты в теле больной девчонки, которой осталось два года. Что ты можешь одна?

Я сжала кулаки. Обычно, мы с Мо Юанем ладили, но сегодня он меня раздражал. А чего я добилась, заключив договор с ним?

— Многое. И не тебе меня учить, — выпалила я. — Ты мне в прошлой жизни обещал помочь отомстить, помнишь? И чем это кончилось? Я убила императора, но не принца. Я не отомстила до конца. А ты даже не явился, когда меня убивали!

— Ты умерла не от моей руки, — холодно заметил он. — Я не отвечаю за чужие козни.

— А за что ты отвечаешь? — в моем голосе зазвенела злость. — За то, чтобы соблазнять отчаявшихся детей? За то, чтобы проклинать десятилетних девочек?

Он неожиданно застыл. Поразился моей отповеди.

— Ты о ней? — он кивнул куда-то в пустоту, словно имея в виду настоящее тело Сяо Фэн.

— Да, расскажи мне, Мо Юань. Что она попросила? Чего такого желала эта девочка, что ты обрек ее на такие мучения?

Он молчал долгую, тягучую минуту. А потом вдруг рассмеялся.

— Какая же ты любопытная, Цзинь Юэ. Хорошо, я расскажу.

Он опустился на край моей кровати, не спрашивая разрешения, и я вдруг остро осознала, насколько это неправильно — демон в моей спальне, на моем ложе. Но возражать не стала.

— Ее отец, — начал Мо Юань, глядя куда-то в стену, — был совсем не таким, как сейчас. Тогда он не знал жалости к дочери. Жену не любил, дочь тоже не привечал. Он гулял по

кабакам, пропадал в веселых домах, а девочка росла сама по себе. Слуги, няньки — но не отец и не мать. Мать-то болела.

Я слушала, и внутри все сжималось.

— Когда мать умерла, она осталась совсем одна. Она сидела на крыльце, смотрела, как уносят тело, и никто не подошел, не обнял, не сказал доброго слова. Никто. — Он повернул голову и посмотрел на меня. В его глазах не было сочувствия, только холодная констатация фактов. — И тогда она позвала меня. Взмолилась мне, а я был рядом.

— Воспользовался слабостью ребенка, — гневно прошипела я.

— Я демон, Цзинь Юэ. Я всегда прихожу, если меня правильно позвать. Она сказала: "Я не хочу чувствовать эту боль. Я не хочу помнить, как она умирала. Я хочу забыть". Я выполнил ее желание. Забрал память, забрал чувства, забрал ее саму. А чтобы тело не пустовало, положил в голову опухоль. Она давит на мозг, лишает разума, но тело живет. Десять лет она была пустой оболочкой. И ее это устраивало.

— А метка? — спросила я. — Где метка? Я искала ее. Мо Юань усмехнулся, и в этой усмешке мне почудилась гордость.

— Метка у нее на шее. У самых волос. Сама не рассмотришь, а любопытный мужчина не найдет. Скажи, я хорош? — бахвалился он.

Я машинально коснулась основания волос, даже нащупала там пульс.

— Теперь понимаешь мою проблему, Цзинь Юэ? — голос Мо Юаня стал вкрадчивым. — У меня вместо двух душ — ни одной. Сяо Фэн еще теплится в этом теле, где-то глубоко, но она не проснется, пока опухоль на месте. А ты разделилась. Часть тебя осталась в теле Син Юэ, а часть переместилась в тело Сяо Фэн. А я ненамерен ждать. Мне нужна твоя душа, Юэ, и душа Сяо Фэн, раз уж вы теперь вместе. Подпиши новый контракт. За вас обеих.

Он протянул руку, и на его ладони материализовался темный, с золотыми иероглифами свиток.

Я смотрела на этот свиток и чувствовала, как внутри закипает ярость.

Каков наглец!

— Ты серьезно думаешь, что я соглашусь? — пришла моя очередь смеяться. — После всего, что ты сделал? После того, как ты не помог мне отомстить? После того, как ты превратил ребенка?

— Я выполнял ее желание, — пожал плечами он. — Честно выполнил.

— Ты демон, — я покачала головой. — Ты не понимаешь. Но я тебе скажу: я не подпишу твой контракт. Ни сейчас, ни потом. Я сделаю все, чтобы не попасть к тебе в лапы. Я спасу Сяо Фэн, потому что она маленькая девочка, и потому что она не заслужила такой участи. А ты... ты мне больше не нужен.

Он смотрел на меня долгим, немигающим взглядом. Потом вдруг тоже рассмеялся.

— Какая же ты упрямая, Юэ. Я всегда это в тебе ценил. Но знаешь что?

Он поднялся с кровати, и свиток исчез с его ладони.

— Впереди много времени и много бед. Твои враги не дремлют, заговор зреет, а ты всего лишь девушка в чужом слабом теле. Рано или поздно ты окажешься в безвыходном положении. И тогда ты вспомнишь обо мне. — Он шагнул к окну, и туман за его спиной сгустился, образуя проход. — Сегодня ты могла выторговать себе еще десять лет, — бросил он через плечо. — Я бы дал их тебе. На месть, на спасение семьи, но ты отказалась. В следующий раз такого предложения не будет.

— Мо Юань, — окликнула я.

Он обернулся.

— Будь ты проклят.

— Так я уже.

И шагнул в туман.

Глава 4. Син Юэ/ Сяо Фэн

Я проснулась оттого, что за окном уже всюду светило солнце. Опять.

Несколько мгновений лежала неподвижно, глядя в потолок и вспоминая прошлую ночь. Увы, мне не приснилось. Мо Юань меня навещал и даже смог изрядно напугать. Как хорошо, что я не из пугливых, да и терять мне почти нечего.

— Госпожа? — в дверь осторожно постучались. — Вы проснулись? Ваш батюшка зовет к завтраку.

Вошла другая служанка, оповестив о приеме пищи. Я вспомнила, что лично отослала Чуньтао по своим делам. Придется обходиться без нее.

— Иду.

Через полчаса, умытая и причесанная, я вошла в столовую. Отец уже сидел за столом, а напротив него находился Гуань Фэн.

Мы встретились взглядами ровно на одно мгновение. В его глазах мелькнуло напряжение, видимо, тому виной воспоминание о ночном визите, но оно тут же исчезло, сменившись привычной холодной вежливостью.

Я опустилась на подушку напротив отца, рядом с Гуань Фэном. Слишком близко, но если пересяду, будет подозрительно.

— Доброе утро, отец, — сказала я, принимая чашку чая из рук служанки. — Доброе утро, старший братец.

— Доброе, Фэн-эр, — отец сиял. Он вообще в последние дни сиял постоянно, словно боялся, что мое просветление — мираж, который исчезнет, если он не будет радоваться каждому моему слову. — Хорошо спала?

— Хорошо, — кивнула я, стараясь не смотреть на Гуань Фэна.

Он тоже молчал, сосредоточенно изучая содержимое своей пиалы. Мы оба делали вид, что ничего не произошло. Что не было ночного визита, грубых слов, разорванной рубашки... Все как обычно. Зато, прежде чем я успела взять свою тарелку, он положил на нее овощей.

Это расценивать, как его извинения? Я с удивлением воззрилась на мужчину. Гуань Фэн хмыкнул и отвернулся.

Отец ничего не замечал. Он пододвинул мне тарелку с паровыми булочками и начал рассказывать последние новости.

— Кстати, Фэн-эр, — сказал он между прочим, — через два дня у нас важное событие. Приглашение от семьи Син.

Я замерла с булочкой в руке.

— От семьи Син?

— Да, — отец развернул свиток, который лежал рядом с ним. — Праздник совершеннолетия их дочери, барышни Син Юэ. Глава семьи Син — уважаемый военачальник, мы с ним в хороших отношениях. Пропустить такой прием нельзя.

Я забыла, как дышать. Это же мое совершеннолетие. В прошлой жизни именно этот день и стал началом конца.

Помнила все в мельчайших подробностях. Как волновалась, как надела новое платье, как Чжан Чэн пришел с подарком, потому что безумно хотел отблагодарить за свое спасение. Все девицы мне завидовали. Чжан Чэн был известным холостяком, свахи о нем мечтали, но он в тот день ухаживал за мной.

А после мой праздник завершился позором. Цао Юйсю, дочь министра по образованию, подлила мне в вино снотворное, а потом подбросила пьяного слугу в павильон, где я отдыхала, ощутив немощь.

Меня тогда спасли. Чжан Чэн ворвался и вытащил слугу, но слухи поползли. Говорили, что я сама напросилась, что я распутная, что семья Син не умеет воспитывать дочерей. Брат Шаохэн из-за этого не получил повышения. Вместо должности генерала ему дали место простого посыльного. А потом, когда начался заговор, эта низкая должность позволила обвинить его в подделке писем...

Это явно была спланированная атака.

Я сжала булочку так, что она хрустнула.

— Фэн-эр? — отец с тревогой посмотрел на меня. — Ты чего?

Я выдохнула и заставила себя улыбнуться.

— Ничего, отец, просто задумалась. А можно... можно я поеду с вами?

В столовой повисла тишина. Ну, это естественно, Сяо Фэн никакие праздники не посещала, она же не разумная.

Отец замер с чашкой в руке. Гуань Фэн, который до этого делал вид, что его вообще здесь нет, поднял голову и уставился на меня с непередаваемым выражением.

— Ты... — отец откашлялся. — Ты хочешь на прием?

— Да, очень.

— Но, Фэн-эр, ты же никогда... — он запнулся, подбирая слова. — Раньше ты не любила такие мероприятия. Мы всегда оставляли тебя дома с Чуньтао.

— Раньше я болела, — произнесла я мягко, но с нажимом. — А теперь, как видишь, я здорова. И мне хочется показать себя. Чтобы все знали, что дочь генерала Сяо больше не затворница.

Отец смотрел на меня с такой смесью гордости и тревоги, что у меня защемило сердце.

— Но прием — это много людей, шум, толпа. Ты уверена, что справишься?

— Уверена, — подтвердила я. — И потом, — я лукаво улыбнулась, — ты же будешь рядом. И старший брат, — я покосилась на Гуань Фэна. — Кто меня обидит под вашей защитой?

Гуань Фэн хмыкнул, но ничего не сказал. В его взгляде читалось: "Что ты задумала?"

Отец же расплылся в улыбке.

— Ну, если так, конечно, поедem. Я распоряжусь, чтобы тебе сшили новое платье. И украшения подберем. Ты должна выглядеть достойно.

— Спасибо, отец.

Я опустила глаза в чашку, скрывая торжество.

Через два дня я попаду в дом семьи Син. Увижу отца, брата и... себя. Той, другой Син Юэ, которая еще не знает, что ее ждет. И я не допущу, чтобы этот день стал для нее позором.

Цао Юйсю и ее отец думают, что они самые хитрые. Что смогут опорочить мою семью и проложить дорожку к власти. Но в этот раз я знаю их план, и я вмешуюсь.

— Фэн-эр, — голос Гуань Фэна вырвал меня из мыслей. — Ты уверена, что хочешь ехать? Там будет много народу. И твоя болезнь...

— Моя болезнь отступила, — перебила я, глядя ему прямо в глаза. — Или ты сомневалась, старший брат?

Он смотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. Я знала, о чем он думает. Не верит. Но вслух он сказал только:

— Просто беспокоюсь о тебе.

— Не стоит, — я улыбнулась самой невинной улыбкой. — Я буду паинькой.

Он фыркнул и отвернулся.

Два дня пролетели как один миг.

В первый день Чуньтао вернулась с выполненным поручением, сияя так, словно совершила великий подвиг. Она вложила деньги в три лавки, нашла ростовщика Ли и даже догово-

рилась о доле в караване. Я проверила расписки, пересчитала проценты и осталась довольна. Все, как я и планировала.

— Госпожа, — шептала Чуньтао, глядя на меня с обожанием. — Откуда в вас такое желание?

— Бездельничать устала, — отвечала я уклончиво.

В остальное время я старательно избегала Гуань Фэна. К счастью, он был занят либо своими делами, либо отец занимал его беседой. Да и общаться с полоумной Гуань Фэн считал ниже своего достоинства. Мы не сказали друг другу и пары слов с того самого завтрака, и это меня устраивало.

Но сегодня наступил день праздника.

Я стояла перед зеркалом, рассматривая свое отражение. Чуньтао постаралась на славу. Платье из бирюзового шелка было великолепным, волосы она убрала в высокую прическу, заколотую нефритовыми шпильками. Лицо чуть тронула румянами, а губы розовой помадой. Сяо Фэн больше не напоминала наивного ребенка, она была девушкой. Да и взгляд у меня точно перестал напоминать детский.

— Госпожа, вы прекрасны, — выдохнула Чуньтао, поправляя последнюю складку.

— Спасибо, — улыбнулась я, но в глазах моих не было радости.

Я смотрела на себя и видела чужое лицо. Красивое, молодое, но чужое. Сегодня я встречу свою семью, а они не узнают меня. Сегодня я увижу ту, другой себя, и не смогу сказать ей правду. Очень хочу, но рано. Мне никто не поверит.

— Пора, госпожа, — напомнила Чуньтао. — Ваш батюшка ждет у ворот.

Я глубоко вздохнула и вышла.

У ворот уже стояли два паланкина и несколько всадников. Отец, облаченный в парадные одежды, улыбался, увидев меня. Рядом с ним на коне восседал Гуань Фэн. При моем появлении он скользнул по мне равнодушным взглядом и отвернулся.

— Фэн-эр, — отец подошел, оглядел меня с гордостью. — Ты сегодня сама красота. Все будут поражены.

— Спасибо, отец.

Я позволила усадить себя в паланкин и задернула шторы. Ехать рядом с Гуань Фэном не хотелось. Пусть думает что хочет.

Путь до поместья Син занял не больше десяти минут. Да я тогда быстрее пешком добралась. Я смотрела в щелку между шторами на знакомые улицы, на лавки, где когда-то покупала сладости, на деревья, под которыми мы с Чжан Чэном тайно встречались. Сердце сжималось от боли и нежности.

Когда паланкин остановился, я услышала шум голосов, смех, музыку. Праздник уже начался.

— Фэн-эр, — отец помог мне выйти. — Держись рядом. Я представлю тебя хозяевам.

Я кивнула и, стараясь не смотреть на Гуань Фэна, пошла за отцом.

Поместье Син встречало нас ароматами цветов и жареных лепешек. Все было так знакомо: каждый камень, каждое дерево, каждый поворот дорожки. У меня защемило в глазах, но я взяла себя в руки.

— Генерал Сяо, — раздался зычный голос, и я увидела его.

Родной отец, Син Вэньцзе, шел к нам, широко улыбаясь. Пока ничего не изменилось, он все такой же, как в моей памяти, высокий, статный, с проседью на висках и добрыми морщинками у глаз.

— Сяо Жэньдэ, рад тебя видеть, — они обменялись поклонами и похлопали друг друга по плечам, как старые друзья. — Давно не встречались.

— Дела, дела, — отмахнулся господин Сяо. — Я сегодня не один.

— Здравствуй, Гуань Фэн, — чуть наклонил голову господин Вэньцзе.

— Поздравляю вас с праздником, — у Гуань Фэна чуть дрогнул уголок губы, я не буду мешать.

Он отделился, а Сяо Жэньде отмахнулся.

— Гуань Фэн и сам бы пришел, он же друг твоего сына. Я привез дочь, Фэн-эр, — позвал он меня, — поклонись генералу Сину.

Я шагнула вперед и низко поклонилась, пряча глаза, чтобы не выдать себя. В душе у меня все переворачивалось.

— Здравствуйте, уважаемый генерал Син. Простите, что без предупреждения. Надеюсь, я не помешаю.

Отец, мой настоящий отец, удивленно поднял брови.

— Сяо Жэньдэ, это ... — он запнулся, не решаясь произнести вслух.

— Моя Фэн — кивнул Сяо Жэньдэ. — Как видишь, она теперь здорова. Боги смилостились.

Генерал Син посмотрел на меня с интересом, смешанным с сочувствием.

— Рад за тебя, девочка, — сказал он просто. — Добро пожаловать в наш дом.

У меня перехватило горло. Он говорил со мной, как с чужой, а я помнила, как он учил меня стрелять из лука, как гладил по голове, когда я болела, как плакал надо мной в прошлой жизни...

Я снова поклонилась, скрывая слезы.

— Шаохэн! — крикнул генерал Син. — Иди сюда, помоги гостям.

Из-за его спины вышел брат. И я снова чуть не разрыдалась. Вышел мой Шаохэн — молодой, красивый, с легкой улыбкой на губах. Таким я помнила его до того, как все рухнуло. Таким, каким он никогда не будет в моей памяти после резни.

— Отец? — он подошел и поклонился отцу и Гуань Фэну. — Дядя Сяо, рад видеть. Гуань Фэн, и ты здесь.

— Шаохэн, — Син Вэньцзе показал на меня. — Это дочь генерала Сяо. Ты должен о ней помнить. Присмотри за ней, пожалуйста. Познакомь с сестрой, с другими девушками.

Шаохэн тоже посмотрел на меня с легким удивлением, но быстро справился с замешательством и вежливо поклонился.

— Конечно, отец. Барышня Сяо, прошу за мной.

Я пошла за ним, стараясь держаться поближе. Слишком близко, наверное, но я не могла иначе. Он был живой, настоящий, мой брат. С трудом себя останавливала, чтобы не броситься ему на шею.

Шаохэн шел чуть впереди, и я смотрела на его спину, на разворот плеч, на то, как он приветственно кивает знакомым. И вдруг он обернулся и поймал мой взгляд.

— Барышня Сяо? — в его голосе появилась легкая настороженность. — Вы в порядке?

— Да, — спохватилась я. — Просто... у вас тут очень красиво.

Он чуть снисходительно улыбнулся, как улыбаются странным гостям.

— Спасибо, пойдемте, я представлю вас сестре. Она как раз с подругами в саду.

Мы вышли в сад, и я замерла.

Там, под старой сливой, окруженная девушками, стояла... Я, Син Юэ.

Молодая, свежая, в розовом платье, с жемчужными шпильками в волосах. Смеялась чему-то, и мой смех звенел колокольчиком.

— Сестра, — окликнул Шаохэн. — Принимай гостью.

Син Юэ обернулась. В ее глазах мелькнуло любопытство и легкая натянутость. Она же знала, кто я такая, да и мы не так давно встречались.

— Это Сяо Фэн, дочь генерала Сяо, — представил меня Шаохэн таким тоном, словно вкладывал в него второй смысл. — Отец просил присмотреть за ней.

Оно понятно. Всем известно, что я полоумная, но ни в какой книге не написано, как вести себя вежливо, если полоумный обрел разум.

Син Юэ кивнула, я, то есть она, все поняла.

— Хорошо. Сяо Фэн, — она подхватила меня под руку. — Пойдем, я представлю тебя девочкам.

Дальше меня закружило, Шаохэн вернулся к отцу и Гуань Фэну, а мне предстояло уни-
зительное знакомство с барышнями.

— Это Цао Юйсю, дочь министра образования, — Син Юэ указала на высокую, красивую девушку с тонкими чертами лица. Та окинула меня оценивающим взглядом и едва заметно скривила губы. — А это Мао Линчжи, дочь цензора. А это Шэнь Илань, а это...

— Очень приятно, — кланялась я всем.

Цао Юйсю фыркнула, но промолчала. А я смотрела на нее и чувствовала, как внутри закипает злость.

Меня в этом обществе не принимали. Как известно, нет существ злее, чем сговорившиеся между собой женщины. А я попала именно в такой клубок.

Но меня не успели заклеить или уколоть. Поднялась какая-то суета.

— Принцы приехали, — донесся чей-то голос. — Наследный принц и второй принц.

В моей прошлой жизни они не приезжали.

Я обернулась и поднялась на цыпочки, чтобы рассмотреть новых гостей. В воротах, возле Син Вэньцзи остановился Ван Цзэянь, наследный принц, — высокий, статный, в золотистых одеждах, который меня раньше больше всех ненавидел. Рядом с ним встал Ван Хуайцзин, второй принц, более хмурый и сдержанный.

Ван Цзэянь погубил мою семью, а сегодня приехал на праздник в день моего совершеннолетия. Зачем? Чтобы упиваться властью? Меня затрясло от обиды.

— Какая честь, — прошептала Син Юэ рядом. — Сам наследный принц пожаловал на мое совершеннолетие.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Да, — сказала я ровно. — Большая честь, барышня.

Внутри меня все кипело, но я заставила себя улыбнуться. Сегодня я здесь не для мести. Сегодня я здесь, чтобы спасти свою семью.

Даже если ради этого придется терпеть присутствие убийц.

Ажиотаж вокруг принцев улегся так же быстро, как и возник. Гости вернулись к своим беседам, музыканты заиграли громче, и внимание девушек снова переключилось на меня.

Я ощутила это сразу — так стая злых волков чувствует слабую лань. Но они еще не знали, что столкнулись не с ланью, а с очень голодной тигрицей. Что мне волки?

Цао Юйсю первой подала знак. Она повела плечом, и остальные, словно по команде, начали переглядываться и перешептываться. Я знала этот взгляд. В прошлой жизни я сама была его жертвой, только тогда меня защищало положение отца. А теперь я была никем, пусть дочерью генерала, но известной полоумной.

— Барышня Сяо, — протянула одна из девиц, кажется, дочь какого-то мелкого чиновника, — а вы, говорят, редко выходите в свет?

— Я болела, — ответила я коротко, стараясь держаться спокойно.

— Болела? — Цао Юйсю изогнула тонкую бровь. — Я слышала, вы вообще не разговаривали. Или это слухи?

Я посмотрела ей прямо в глаза. В прошлой жизни я бы смутилась, отвела взгляд, покраснела. Но сейчас я видела ее насквозь, мелкую, завистливую душонку, которая умеет только жалить исподтишка.

— Слухи часто врут, — ответила я ровно.

Девушки переглянулись. Им не понравилось, что жертва не съезжилась.

— Разве слухи, что вас много раз видели в городе, и вы бессвязно разговаривали? Тряпье какое-то несли. Вам, вообще, можно выходить?

— Вы так спрашиваете, — парировала я, — будто бы моего тряпья испугались. А может и то слухи? Вы сами что-то видели?

— Видеть не видели, — вступила другая, — но вы по возрасту должны были с нами в академии обучаться.

— Поступление в академию не обязательно, — снова сказала я.

— Значит, — домысливала другая, — шести искусств не знаете. Не учились. Разве вас можно в приличное общество выпускать?

— Верно, — я кивнула. — В академии не училась. Но не из-за того, что я глупая, просто не хотела.

Я, конечно, утрировала. Сяо Фэн ничему не обучалась, надобности не было. Но я-то не совсем Сяо Фэн.

— Тратить время на пустую болтовню. Всем известно, что учитель будет радеть над учеником, если они смотрят друг другу прямо в глаза, а его внимание не рассыпается на множество сорок.

— Что вы сказали? — Цао Юйсю прищурилась. — Это вы нас сейчас сороками назвали.

— Так назвались вы сами, — хищно улыбнулась я.

На мгновение повисла тишина.

Я видела, как до них медленно доходит смысл моих слов. Сороки — это они. Стрекочут, но не учатся.

— Вы... — начала Цао Юйсю, но ее перебил тихий голос:

— Барышня Сяо права.

Все обернулись.

Мао Линчжи, та самая мышка с большими глазами, стояла чуть поодаль и смотрела на меня с робкой улыбкой.

— Я тоже не считаю, что академия — единственное место, где можно научиться благородству, — добавила она. — И потом, барышня Сяо только поправилась, зачем же ее...

— Молчи, Линчжи, — оборвала ее Цао Юйсю. — Твоего отца и так едва терпят при дворе, а ты еще лезешь.

Мао Линчжи опустила глаза и замолчала. Я увидела, как дрогнули ее губы, и внутри у меня все сжалось. Она пыталась заступиться и получила за это.

— Оставь ее, — сказала я спокойно. — Не вам заслугами отцов меряться.

— А вы, барышня Сяо, — Цао Юйсю шагнула ко мне, и в ее глазах горел недобрый огонь, — видимо, считаете себя очень умной? Вы, которая десять лет была...

— Кем была? — прервал нас неизвестный.

Все обернулись, а Цао Юйсю пришлось проглотить свои же дерзости.

Потому что в этот момент в саду появился Чжан Чэн.

Сегодня он не выглядел больным и раненым, двигался легко и беззаботно, словно несколько дней назад я не вытягивала его из лап смерти.

Он шел в нашу сторону, попутно кланясь другим. Я заметила, как порозовели щеки у девушек. И Син Юэ поддалась его обаянию.

— Барышни, — Чжан Чэн остановился в двух шагах и поклонился, — прошу прощения, что прерываю вашу беседу.

— Господин Чжан, — Цао Юйсю мгновенно сменила тон на медовый, — мы как раз обсуждали...

— Я слышал, что вы обсуждали, — перебил он вежливо, но твердо. И посмотрел на меня. — И меня удручает это, но я сделаю вид, что не слышал резких слов. Барышня Сяо,

— обратился он ко мне. — Я рад вас видеть. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете после... недавних событий?

Он явно говорил о нашей встрече. Я кивнула, стараясь не выдать волнения.

— Благодарю, господин Чжан. Мне гораздо лучше.

— Приятно слышать, — он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то теплое, личное, предназначенное только мне.

Девушки переглядывались, не понимая, что происходит. Почему Чжан Чэн, один из самых завидных женихов столицы, разговаривает с какой-то полоумной как с равной?

— Господин Чжан, — не выдержала Цао Юйсю, — вы знакомы с барышней Сяо?

— Имел честь, — ответил он коротко и снова посмотрел на меня. — Барышня Сяо, не хотите прогуляться. Поместье Син славится тем, что у них самые вкусные пирожные с лотосом.

Ох, лица моих обидчиц надо было видеть.

У девиц глаза на лоб полезли. Я чуть не рассмеялась. Чжан Чэн, который всегда был тактичен и осторожен, сейчас намеренно провоцировал их, выказывая мне внимание, которого они не удостоивались.

— С удовольствием, господин Чжан, — ответила я, принимая его руку.

Он подал мне локоть, и мы пошли прочь от ошоломленных барышень.

Я слышала за спиной возмущенный шепот, но мне было все равно. Поддалась порыву.

Шла рядом с Чжан Чэном по дорожке, усыпанной лепестками сливы, и чувствовала на спине прожигающие взгляды. Цао Юйсю и ее свита смотрели так, словно хотели испепелить меня на месте. Хорошо, что взгляды не горят. А я горела.

Почему-то именно сейчас я чувствовала смущение больше, чем в те мгновения, когда его спала. Может, из-за посторонних?

— Господин Чжан, — тихо сказала я, когда мы отошли достаточно далеко, — вам не стоило за меня заступаться.

Он повернул голову и посмотрел с легким удивлением.

— Почему?

— Я могу постоять за себя сама. — Я позволила себе легкую, почти незаметную усмешку. — Я понимаю, но я не так беспомощна, как всем кажется.

Чжан Чэн остановился и внимательно посмотрел на меня. В его взгляде не было той снисходительности, с которой смотрели другие. И жалости не было, это подкупало.

— Это единственное, чем я могу отблагодарить свою спасительницу, — произнес он тихо. — Вы отвели от меня смерть, а мне остается отвести от вас злые языки сплетниц.

От этих слов у меня защемило сердце. Он всегда был благородным.

— Вы уже достаточно меня отблагодарили, — ответила я, пряча свои глаза. — Просто живите, этого довольно.

Мы прошли еще немного в молчании. Сад был прекрасен, несмотря на зиму. Снег склонял ветви, а старые лепестки, смешавшись с ним, окрашивали природу в розовые тона.

Я старалась держаться на расстоянии. Не потому, что он был мне неприятен, наоборот, в груди глупо трепетали бабочки. Но я уже знала цену подобному трепету.

— Барышня Сяо, — Чжан Чэн нарушил тишину, — вы чем-то встревожены?

— Нет, — соврала я. — Просто... задумалась.

— О чем?

Я посмотрела на него. Красивый, добрый, честный. И совершенно не подозревающий, какая буря зреет вокруг.

— Мне пора возвращаться, господин Чжан. Боюсь, если мы задержимся дольше, обо мне пойдут нехорошие слухи.

Он хотел что-то сказать, но передумал, только поклонился:

— Берегите себя, барышня Сяо.

— И вы, господин Чжан.

Я вернулась в сад, к девицам. Они стояли все той же стайкой, но при моем приближении лица их странно изменились. Вместо прежней неприязни вдруг образовались приторные, сладкие улыбки. Это насторожило меня мгновенно.

— Барышня Сяо, — всплеснула руками Цао Юйсю. — А мы тут как раз говорили, что были неправы.

— Да-да, — подхватила другая. — Господин Чжан совершенно прав. Мы не должны были так с вами...

— Мы просим прощения, — Цао Юйсю шагнула вперед и взяла меня за руку. Ее пальцы были холодными и чуть влажными. — Позвольте нам загладить вину. Выпейте с нами чаю.

Я посмотрела на чай, потом на них. Будь я в этой стае змей, я бы, напротив, еще больше бы разгневалась. А они... настолько благородные?

Ха, я в такое не верю. Понятно, что они замыслили. Слишком уж старательно изображали раскаяние, слишком быстро сменили гнев на милость. В прошлой жизни я попала на эту удочку. В этой — увольте.

Но хорошо, что в этот раз атака направлена на меня.

— С удовольствием, — улыбнулась я, принимая чашку.

Они все смотрели, как я подношу ее к губам. Я сделала вид, что пью, но лишь смочила губы. Поставив чашку, я чуть покачнулась, и прикрыла глаза.

— Ох... что-то мне... нехорошо...

— Барышня Сяо, — Цао Юйсю мгновенно оказалась рядом, подхватывая меня под руку. — Вам дурно? Позвольте, я провожу вас, присядете где-нибудь в тени.

— Да... спасибо... — пробормотала я, наваливаясь на нее всем телом.

Син Юэ, к моему сожалению, не препятствовала, а я была уверена, что она в курсе их козней. Но обижаться я не смела. Тогда я сильно зависела от чужого мнения и одобрения.

Мы пошли. Я почти не открывала глаз, но краем века замечала дорогу. Не к главным павильонам, а в глубь сада, туда, где стояли заброшенные хозяйственные постройки. То самое место. .

Цао Юйсю тащила меня, тяжело дыша. Наконец мы вошли в темное помещение.

— Здесь, барышня Сяо, прилягте...

Она попыталась уложить меня на лежанку, но я вдруг выпрямилась, как струна.

— Спасибо, не надо.

Цао Юйсю замерла. В ее глазах мелькнуло недоумение, потом страх. Она попятилась, но я схватила ее за запястье.

— Что ты делаешь? Ты не спишь? — голос ее дрогнул.

Я шагнула к ней, зажимая рот ладонью. В другой руке у меня блеснула шпилька, которую я вытащила из прически.

Мне известен характер и порода таких, как Цао Юйсю, они храбры, когда жертва слаба, но в открытом столкновении самые великие трусы. Шакалы.

— Тихо, — прошептала я ей на ухо. — Будешь кричать, пожалеешь.

Она смотрела на меня круглыми от ужаса глазами. Куда делась надменная красавица? Передо мной стояла перепуганная девчонка.

— Где зелье? — спросила я, чуть ослабляя хватку.

— Какое... зелье? — пролепетала она.

Я ткнула шпилькой ей в шею, но легонько, чтобы она почувствовала холод металла.

— Не играй со мной. Я знаю, что ты подсыпала мне в чай снотворное. И знаю, что у тебя должно быть еще.

Она затряслась.

— В... в кармане...

Я отпустила ее рот, но шпильку не убрала. Левой рукой быстро обыскала складки ее платья. Нашла. Маленький шелковый мешочек с порошком. Понюхала.

— Глотай, — приказала я, развязывая мешочек.

— Что? Нет! Ты не можешь меня заставить.

— Не могу? — я рассмеялась, как сумасшедшая. — Ты мне эту дрянь в чай подлила, а я не могу? Глотай, или я расплосую твоё лицо, родная мать не узнает, — продолжала я угрожать.

Что-то в моем лице заставило ее послушаться. Она высыпала остатки порошка себе на язык и проглотила.

Я смотрела, как она это делает, как по щекам текут слезы, смешанные с тушью. Жалкое зрелище.

— Зачем ты это сделал? Просто чтобы задеть? — спросила я.

Она всхлипнула:

— Ты вычкочка, больная, полоумная.

— И только за это меня ненавидешь? Посмотрим, как будут судачить о тебе, когда не я, а ты заснешь здесь. — закончила я.

Она не ответила. Глаза ее слипались. Снотворное действовало быстро.

Я подхватила ее, не давая упасть, и уложила на лежанку. Пусть поспит, авось поумнеет.

В этот момент за дверью послышался шум. Чьи-то шаги, затем приглушенные голоса. Я метнулась к окну, прислушалась.

— Давай, толкай его сюда, — шипел женский голос. — И дверь закройте, чтобы не вышла.

Подружки этой дуры притащили такого же опоенного конюха. Небеса, они хоть отдадут себе отчет, насколько это подло?

Лязгнув засов. Я подскочила и увидела вошедшего мужчину. Тот двигался, как пьяный, почти ничего не видел, внимания к нам не проявлял. Учтя, что и он не виноват в сложившейся ситуации, я просто дотронулась и сделала так, чтобы тот пошел за мной. А когда мы оказались у окна, я просто его вытолкнула.

к другой двери, той, через которую втолкнули конюха, и дернула засов. Вошла. Мужик сидел на полу, мыча что-то нечленораздельное. Я схватила его за шиворот и потащила к окну.

Окно выходило в заросли пионов. Я поднажала, и мужик кубарем полетел вниз. Через мгновение из кустов донесся мощный храп. После я выбросила одеяло, надеясь, что он не замерзнет. Ночи не такие холодные, помереть не должен.

— Спи, — пожелала я ему и вернулась к Цао Юйсю.

Она уже спала крепким сном. Я поправила ей платье, уложила поудобнее, даже подушку подсунула. Красивая, даже во сне. Жалко только, что внутри мерзость.

Я уже собиралась выйти через главную дверь, как вдруг она распахнулась сама. На пороге застыл разъяренный Гуань Фэн.

Я и в полумраке увидела, как побелели его скулы. Глаза метали молнии, ноздри раздувались от злости. Он перевел взгляд с меня на спящую Цао Юйсю, потом обратно.

— Ты... — выдохнул он. — Что ты натворила?

Я моргнула, не ожидая такого начала. Он разгневан? На меня? За что?

— Я? — переспросила я, медленно убирая шпильку обратно в прическу. — Это ты что здесь делаешь? Врываешься без стука, впрочем, — я отмахнулась, — как всегда.

Он шагнул вперед и схватил меня за плечо, разворачивая к свету. В его глазах плескалось дикая смесь страха, злости и облегчения.

— Ты в порядке? — голос его дрожал от напряжения. — Мне сказали, что эти дуры... Я думал...

Он осекся, заметив, что я смотрю на него с нескрываемым изумлением.

— Я в полном порядке, — ответила я, высвобождая плечо. — Как видишь. И я не ведала, что ты, братец, перестанешь выбирать выражения. Дуры?

Гуань Фэн замер, всматриваясь в мое лицо. До него медленно доходило: я стою на ногах, говорю складно, глаза ясные. Рядом со мной нет никого, кроме спящей Цао Юйсю.

— Но чай... — начал он растерянно. — Мао Линчжи сказала, что тебя увели, что ты выглядела больной, что...

— Мао Линчжи? — перебила я. — Это она тебя предупредила?

Он кивнул, все еще хмурясь.

Я мысленно отметила, что надо будет поблагодарить эту тихую мышку. Мы едва знакомы, а она уже за меня вступается и Гуань Фэна на помощь зовет. Хорошая девушка. Надо с ней подружиться.

— Но если ты в порядке, — продолжал Гуань Фэн, постепенно приходя в себя, — то что здесь происходит? Почему Цао Юйсю...

— Спит, — закончила я за него. — Крепким, здоровым сном. И пусть спит, ей полезно.

Он посмотрел на меня так, словно у меня выросла вторая голова. Скрестил руки на груди.

— Ты, что, сама все подстроила? Ты понимаешь, что если бы кто-то узнал...

— А кто узнает? — как ни в чем не бывало парировала я. — Ты? Так ты мой названный брат, тебе меня сдавать себе дороже. Цао Юйсю? Она проспится и будет молчать, потому что рассказывать о том, что хотела опорочить невинную девушку и обожглась, ей самой невыгодно.

Гуань Фэн открыл рот, закрыл, снова открыл. Я впервые видела его настолько растерянным. Это было почти забавно.

— Как сама-то догадалась? — выдохнул он наконец.

— Чай был с душком, — пожалала я плечами. — А я столько лекарств пила. С детства, знаешь ли, приходилось быть внимательной.

Он смотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. В его глазах читалась сложная гамма чувств: облегчение, что я цела, злость, что я снова вошла в историю, и... все. Он злился.

— Почему она спит? — спросил он тихо, подбородком указывая на Цао Юйсю.

— Заставила выпить собственную пилюлю, — ответила я буднично. — Кстати, раз уж ты здесь, не мог бы ты нам немного помочь? — Я показала на окно, и как того требовалось, оттуда донесся протяжный, мужской храп. — Эта идиотка пыталась подставить меня и невинного человека. Буду благодарная, если ты о нем позаботишься. Переживаю, что он замерзнет в эту ночь.

Гуань Фэн подошел к окну, выглянул. Конечно, отыскал несчастного слугу.

— А одеяло я ему бросила, — добавила я. — Не замерзнет. Я не жестокая.

Он обернулся. В полумраке его лицо казалось невозмутимым, но в уголках губ дрожало что-то, похожее на усмешку.

— Ты... — начал он и покачал головой, — невозможная женщина, Сяо Фэн.

— Надеюсь, это комплимент, — расстерялась я, удивившись, что меня не ругают.

— Отнюдь. — Мы смотрели друг на друга в тишине, нарушаемой только храпом из кустов и тяжелым дыханием спящей Цао Юйсю. — Хорошо, помогу, — он кивнул и сел на подоконник. — Но больше ты не будешь заниматься подобным, поняла?

— Я и не собиралась, братец, — честно повинилась я. — Вيني не меня, а эту, — с трудом удержалась, чтобы не пнуть дочь министра образования.

Гуань Фэн ушел, а я на некоторое время осталась одна. Смогла спокойно выдохнуть и уселась возле Цао Юйсю.

Пожалуй, я стала добрее, чем была в прошлой жизни. Переродившись, я стараюсь сделать так, чтобы моя обидчица не пострадала, а в той... Ох, она бы так сильно пожалела о своем поступке.

Прошло, наверное, минут пятнадцать. Я сидела на постели, смотрела в распахнутое окно на луну и думала о странностях судьбы. В прошлой жизни я была жертвой. В этой — вершительницей. Приятное ощущение.

Тишину разорвал грохот распахнувшейся двери.

— Сяо Фэн, развратница! — завопила одна из девиц, влетая внутрь. — Мы вас поймали! Сейчас все увидят...

Она замерла на полуслове.

За ней ввалились остальные. Человек пять девиц, покрасневшихся, с горящими глазами предвкушения скандала. А за их спинами — плотная группа мужчин.

Они и принцев позвали, Ван Цзэяня и Ван Хуайцзиня. После них зашел серьезный Шаохэн, а потом Чжан Чэн.

Все сначала смотрели на меня с осуждением, но когда обнаружили, что я одна, сижу и подтыкаю одеяло сонной Цао Юйси, их лица изменились.

Нступила тишина.

— Почему же я развратница? — обиженно проговорила я. — Когда стало зазорным помогать ближнему? Не ожидала, что мое уединение привлечет столько внимания.

— Барышня Сяо, — наследный принц шагнул вперед, и в его глазах мелькнуло что-то странное. — Что здесь происходит? Нам сказали...

— Что вам сказали? — я подняла брови, изображая наивное недоумение.

— Что вы в опасности, — выпалила одна из девиц, и тут же прикусила язык, поняв, что проговорилась.

— В опасности? — я обвела взглядом комнату. — Здесь? С барышней Цао? Которая... — я повернулась и посмотрела на спящую, — ...просто отдыхает после чрезмерно выпитого вина?

— Но она... — начала другая, — она же...

— Она же что? — я склонила голову набок. — Напилась? Да, видимо, так и есть. Бедняжка, ей стало дурно. Я как раз хотела ей помочь, привести в чувство, но, кажется, помощь не требуется. Она просто спит.

Да, тишина стала воистину звенящей.

Я видела, как до девиц медленно доходит весь ужас их положения. Они привели сюда принцев, чтобы те застали меня в позорном виде. А застали... что? Меня, невредимую и трезвую, и свою подругу, которая просто спит.

— Но... конюх... — вырвалось у кого-то.

— Конюх? — я изогнула бровь. — Какой конюх? Здесь нет никакого конюха. Только я и барышня Цао. Или вы кого-то еще ожидали увидеть? Или вы решили позлословить на свою подругу? Барышня Линь, такая подлость с вашей стороны.

Я посмотрела прямо в глаза той, что проговорилась. Она побледнела и отступила назад.

Наследный принц перевел взгляд с меня на спящую Цао Юйсю и обратно. В его глазах мелькнуло понимание. Он был неглуп, это я признавала, хоть я его и ненавидела.

— Барышня Сяо, — сказал он с легкой усмешкой, — вы, кажется, единственная здесь, кто сохранил ясность ума.

— Благодарю, Ваше Высочество, — я снова поклонилась. — Простите меня за дерзость, но я прошу вас уйти. Вы пришли в комнату, где отдыхает девушка, которая ослабела. Не портите ей репутацию, уйдите. И не мне вам говорить, что не следует верить всем наветам, — я прищурилась и обратила взор на подруг Цао Юйси.

Ох, утром их будет ждать расплата. Выходило, что принцы нарушили покой двух благородных дам, вмешались и сами себя оскандалили. И все из-за глупых слухов.

Мысленно я торжествовала. Все вышло даже лучше, чем я посмела бы об этом мечтать.

— А вы, — я шагнула к девицам, и они дружно отступили, — зачем привели сюда всех? Хотели, чтобы они увидели, как ваща подруга спит? Или может, надеялись на что-то другое?

— Мы... мы думали... — залепетала одна.

— Что вы думали? — мой голос стал жестким. — Что она опозорится? Что ее найдут в неподобающем виде? Как низко вы пали из-за зависти.

Наследный принц усмехнулся.

— Поистине, женские страсти неисповедимы, — сказал он. — Пойдем, Хуайцзин. Здесь не на что смотреть.

Он развернулся и вышел. Второй принц задержался на мгновение, посмотрел на меня с любопытством, потом последовал за братом.

Девушки попятились к выходу, бормоча извинения. Син Шаохэн покачал головой и вышел следом, бросив на меня взгляд, в котором читалось: "С вами точно все хорошо?" Я кивнула.

Остались только мы с Чжан Чэном.

Он смотрел на меня долгим, странным взглядом. В его глазах было уважение, удивление и что-то еще, чему я боялась дать имя.

— Вы... — начал он.

— Господин Чжан, — перебила я тихо, — идите. Не надо, чтобы вас видели здесь со мной наедине. У нас и так достаточно сплетен.

Он помедлил, потом кивнул.

— Берегите себя, барышня Сяо.

— И вы.

Он вышел, и дверь закрылась.

Я осталась одна в тишине, рядом с храпящей Цао Юйсю, и позволила себе наконец улыбнуться. Широко, открыто, как сумасшедшая.

Сработало. Все сработало. Сама в шоке.

Глава 5. Син Юэ/ Сяо Фэн

Наступил морозный день. Он встретил меня бледным, зимним солнцем, которое лениво пробивалось сквозь кружево инея на окнах.

Неожиданно для самой себя, я проснулась рано. Видно, эмоции пересилили. Я стояла в саду поместья Сяо, закутавшись в теплый халат, и смотрела, как садовник осторожно отряхивает снег с ветвей старой сливы. Где-то вдаль чирикали замерзшие воробьи, отчаянно пытаюсь найти хоть что-то съестное. Я затем и вышла, чтобы их накормить.

В груди разливалось тепло, не имеющее отношения к погоде. Я сделала все правильно.

Вчерашний день обернулся триумфом, а не позором. Цао Юйсю проспит до полудня, а когда проснется, будет думать не о том, как уязвить меня, а о том, как объяснить свое внезапное "недомогание" родителям. Ее подруги будут молчать, потому что сказать им нечего — они сами себя выставили дурами перед принцами. А главное, Син Юэ не пострадала.

Моя прошлая я, наивная и доверчивая, не знала, какая участь ее минула. В этой жизни никто не подливал ей зелье, никто не подбрасывал пьяного слугу. Ее репутация осталась незапятнанной. И значит, брат Шаохэн получит достойное повышение, а не унижительную должность посыльного. Не будет этих проклятых писем, не будет поддельного почерка...

— Сработало, — прошептала я одними губами, позволяя себе маленькую радость.

Я провела пальцами по коре старого дерева. В прошлой жизни в нашем саду тоже росла слива, очень похожая на эту. Мы с братом любили сидеть под ней летними вечерами, слушать цикад и мечтать о будущем. Он говорил, что станет великим генералом, а я обещала, что буду всегда его ждать.

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Хватит. Все иначе. Он жив, он здоров, он вчера смотрел на меня с тревогой и спрашивал, все ли со мной хорошо. Брат, родной мой брат, волновался за какую-то полоумную Сяо Фэн. Если бы он только знал...

И Чжан Чэн. Он тоже пришел и волновался за меня. В его глазах было тепло, от которого у влюбленных девиц замирает сердце.

Ужасно, что мое-то сердце умерло, может, уже и не бьется. Вряд ли я могу влюбиться и переживать о ком-то, кто не из рода Син. Я продала за родных душу.

И как отвратительно осознавать, что хоть я и остаюсь невозмутимой, и что мои эмоции холодны, но я поддаюсь чужому вниманию.

Мне были приятны ухаживания Чжан Чэна.

Цао Юйсю теперь надолго заляжет на дно. Ей будет стыдно показываться в обществе, а если и появится, то будет молчать, как рыба. И Син Юэ никто не тронет. По крайней мере, в ближайшее время.

— Значит, пора браться за главное, — сказала я вслух, обращаясь сама к себе.

Напомнила себе про заговор. Кто-то хотел уничтожить мою семью. Кто-то подделал почерк брата, кто-то писал те письма, кто-то подбросил их императору. Я обязана найти этого человека. Должна понять, кто стоит за смертью моих родных.

Для этого мне нужно сблизиться с Син Юэ. Стать ей подругой, доверенным лицом. Быть рядом, наблюдать, слушать. В прошлой жизни я была слишком наивна, чтобы замечать врагов вокруг. В этой, у меня есть глаза и опыт.

— Подружусь с самой собой, — хмыкнула я. — Звучит безумно, но что поделать.

В саду было тихо и спокойно. Снег падал крупными хлопьями, укутывая землю белым покрывалом. Где-то вдалеке слышались голоса слуг, чистивших дорожки. Я вдыхала морозный воздух и чувствовала себя почти счастливой.

Почти.

— О чем задумалась?

Голос за спиной заставил меня вздрогнуть. Я обернулась.

Гуань Фэн стоял в двух шагах, прислонившись плечом к стволу старого клена. На нем был темно-синий халат, расшитый серебряными нитями, в руке он вертел сухую веточку. Лицо — невозмутимая маска, но в глазах плясали какие-то тени.

— Ты как здесь оказался, братец? — спросила я, прижимая руку к груди. — Я не слышала твоих шагов.

— Ты была слишком занята своими мыслями, — он шагнул ближе и остановился рядом, глядя на ту же сливу. — И улыбалась. Чему?

Я пожала плечами, стараясь не выдать волнения.

— Просто радуюсь. Хороший день. Снег идет красиво.

Он посмотрел на меня скептически.

— Снег идет каждый год. Что в нем красивого? Ты не похожа на человека, который способен радоваться снегу.

— А на кого я похожа?

Он задержал взгляд на моем лице дольше, чем следовало.

— На человека, который задумал что-то опасное.

Да, так мог ответить только Гуань Фэн. Я фыркнула.

— Ты мне льстишь, братец. Я всего лишь девушка, которая гуляет по саду.

На следующий день погода не сильно улучшилась. Все небо было затянуто серыми тучами, зато я проснулась рано, почти на рассвете. Но вместо того чтобы встать, зачем-то долго лежала, глядя в потолок. Думала обо всем на свете.

Вспоминала свою семью, затем подозревающее лицо Гуань Фэна, насмешливый тон Мо Юаня, но больше всего размышляла про Син Юэ. Моей прошлой себе.

Мы обязаны сблизиться. Мы должны, да и как нам не подружиться, если я буквально читаю ее мысли.

Я села на кровати, поджав колени, и попыталась вспомнить. Что я любила в те дни? Чем увлекалась? О чем мечтала, просыпаясь по утрам?

И не смогла.

Все, что приходило на ум, казалось таким далеким, почти чужим. Стихи, которые я сочиняла, глядя на луну. Вышивка, которой я занималась, чтобы угодить нянькам. Мечты о том, как Чжан Чэн сделает мне предложение при всех, и все девицы будут завидовать.

Глупость. Пустая, наивная глупость.

Я закрыла лицо руками и горько усмехнулась. Переродившись, я думала, что осталась собой. Но нет. Та Син Юэ, что жила в клане Син, смеялась, мечтала, верила в любовь и справедливость, она была совсем другим человеком. А я... я стала той, кого сделали из меня смерть и ненависть. И для этого не понадобилось никакого перерождения. Достаточно было просто потерять все.

— Госпожа? — голос Чуньтао за дверью заставил меня вздрогнуть. — Вы проснулись?

Я отняла руки от лица и глубоко вздохнула.

— Доброе утро, Чуньтао. Входи.

Служанка появилась на пороге, раскрасневшаяся с мороза, с инеем на ресницах. В руках она держала поднос с чаем, но лицо у нее было какое-то странное — возбужденное и немного испуганное.

— Госпожа, — начала она, ставя поднос на столик, — там... к вам гостья.

Я нахмурилась.

— Гостья? Кто?

Вдруг это Цао Юйси пришла, чтобы потребовать справедливости? Может, не надо было угрожать ей шпилькой?

— Барышня Син. — Чуньтао выпалила это так, словно сообщала о прибытии императрицы. — Барышня Син Юэ из семьи генерала Сина. Она приехала с утра пораньше, просит принять ее. Говорит, что хочет поговорить с вами.

Я ошарашенно развернулась. Син Юэ? Приехала ко мне? Сама?

— Она... — мой голос предательски дрогнул. — Она одна?

— С сопровождающими, конечно, — закивала Чуньтао. — Но в дом вошла только с одной служанкой. Просит уделить ей время. Господин уже в курсе, велел передать, что если вы не хотите, он сам с ней поговорит и проводит...

— Нет, — перебила я резче, чем следовало. — Конечно, я приму ее. Где она?

— В малой гостиной. Я провожу?

Я кивнула, лихорадочно соображая. Зачем она приехала? Что ей нужно от полоумной Сяо Фэн? Или она уже не считает меня полоумной после вчерашнего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.